

Общественная Ассоциация
Юридическая клиника Комрат

ДОКЛАД

О СОБЛЮЖДЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИЗОЛЯТОРАХ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ АТО ГАГАУЗИЯ

Комрат 2012 г.

Доклад предназначен для государственных органов, неправительственных организаций, правозащитников и других лиц, проявляющих интерес к вопросам соблюдения прав и свобод человека и условиям содержания в ИВС Гагаузии.

Выражаем признательность УВД Гагаузии, Комиссариатам полиции Комрат, Чадыр – Лунга, Вулкэнешть за оказанное содействие в проведении настоящего исследования.

Доклад подготовлен по итогам реализации проекта «Предотвращение практики применения пыток в Изоляторах временного содержания АТО Гагаузия», осуществлённого Общественной Ассоциацией Юридическая клиника Комрат, в рамках Программы малых грантов в 2011, реализован в проекте «Укрепление судебно-медицинской экспертизы о пытках в Молдове», финансируемый Европейским Союзом, со-финансируемый и внедренный Программой Развития ООН в Молдове. Высказанные в данном докладе мнения являются сугубо авторскими и не могут воспроизводиться, как отражающие официальную позицию Европейского Союза и Программы Развития ООН в Молдове.

*Empowered lives.
Resilient nations.*

Перечень сокращений

КПП – Комитет против пыток

Минимальные стандартные правила – Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными

Минимальные стандартные правила - Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года

РМ – Республика Молдова

АТО Гагаузия – Автономно территориальное образование «Гагауз Ери»

МВД РМ – Министерство внутренних дел Республики Молдова

УВД Гагаузии – Управление внутренних дел автономно территориального образования «Гагауз Ери»

РКП - Районный комиссариат полиции

ИВС – Изолятор временного содержания

СИЗО – Следственный изолятор

УК РМ – Уголовный кодекс Республики Молдова

УПК РМ – Уголовно – процессуальный кодекс Республики Молдова

ИК РМ – Исполнительный кодекс Республики Молдова

НПО – неправительственная организация

Содержание

Введение	5-7
Цели и задачи. Методология мониторинга	8-10
I. пытки и другие виды жестокого обращения в ИВС Гагаузии	11
1.1. Право на свободу от пыток и жестокого обращения	12-21
1.2. Реагирование на заявления о применении пыток и жестокого обращения	
а) документирование фактов пыток и жестокого обращения в ИВС	21-24
б) расследование предполагаемых случаев пыток и иных видов жестокого обращения с заключенными, содержащимися в ИВС Гагаузии	24-30
в) доступ к расследованию и уведомление заявителей о результатах рассмотрения жалоб о пытках и иных видах жестокого обращения с заключенными	30-31
II. Соблюдение гарантий против применения пыток и других видов жестокого обращения в отношении лиц содержащихся под стражей в ИВС Гагаузии	
2.1 Обеспечение права на защиту.....	32-37
2.2 Обеспечение права на доступ к врачу	37-38
2.3 Информирование задержанных (арестованных) о их правах и причинах задержания	38-39
2.4 Соблюдение права на уведомление членов семьи или третьего лица по своему выбору о задержании	39-41
III. Порядок и условия содержания под стражей в изоляторах временного содержания, расположенных на территории АТО Гагаузия	
3.1. Порядок содержания под стражей, лиц подвергнутых мерам процессуального принуждения в ИВС Комрат, Чадыр-Лунга, Вулкэнешть.....	42-44
3.2. Общие сведения об ИВС Гагаузии (Комрат, Чадыр – Лунга, Вулкэнешть).....	44-49
3.3. Условия содержания под стражей в ИВС Гагаузии	
3.3.1. соблюдение правил размещения	49-52
3.3.2. материально – бытовые и санитарно - гигиенические условия содержания	52-54
3.3.3 медицинское обслуживание и охрана здоровья	54-57
3.3.4 стандарты питания и их соблюдение	57-59
Выводы и рекомендации	60-64

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий доклад является результатом регионального годовичного проекта реализованного общественной ассоциацией «Юридическая клиника Комрат» под названием «Предотвращение практики применения пыток в изоляторах временного содержания расположенных на территории АТО Гагаузия».

Доклад представляет собой исследование, обобщающее результаты мониторинга посещений ИВС АТО Гагаузия, проведенного с разрешения Управления Внутренних дел Гагаузии и комиссариатов полиции АТО Гагаузия в период с 1 октября 2011 года по 31 августа 2012 года.

Необходимость проведения широкомасштабного исследования, включающего в себя мониторинг ИВС в регионе АТО Гагаузия, исходила из отсутствия обобщенных документированных данных о ситуации с правами человека в этих учреждениях

Исследование в области соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей, вызывает особую важность и интерес. С одной стороны, лишение человека свободы является одной из мер государственного принуждения. С другой стороны, независимо от обстоятельств, все люди наделены основополагающими правами человека и не могут быть лишены их без законных на то оснований.

И, тем не менее, нельзя не констатировать тот факт, что нахождение человека в местах временного ограничения, либо лишения свободы, представляет для его прав и свобод потенциальную опасность, и в первую очередь, это связано с существенной ограниченностью применяемых форм и видов контроля за их соблюдением и защитой, разработанных национальным и международным правом.

Данная проблема, на наш взгляд, имеет довольно определенное объяснение - это не совсем верное определение на сегодняшний день приоритетов правоохранительной деятельности, а также психологии служащих, составляющих в большинстве своем основу контрольно-надзорных ведомств.

Борьба с преступностью, как явлением, представляется сотрудникам правоохранительных органов гораздо более значимой задачей, чем обеспечение прав и свобод конкретного человека. Многие из сотрудников правоохранительных органов считают допустимым нарушение прав и свобод человека ради поимки и наказания преступника.

Эта уверенность подкрепляется существующей официальной системой оценки, применяемой как к деятельности полиции в целом, так и к работе отдельных ее подразделений и сотрудников. Оценка эффективности борьбы с преступностью производится на основании количественных данных: соотношение раскрытых преступлений и преступлений зарегистрированных. Чем выше число расследованных преступлений, тем лучше оценивается работа отдельного полицейского или какого-либо подразделения полиции.

Следствием такого рода особого менталитета является то, что применение пыток и иных форм жестокого обращения не воспринимаются правоохранительными органами как общественно опасные действия, что в свою очередь ведет к тому, что лица, непосредственно практикующие незаконное обращение, в том числе и содержащие элементы пыток и издевательств, не только избегают ответственности, но и укрепляются в безнаказанности своего поведения.

Сегодня очевиден и бесспорен тот факт, что практика применения пыток настолько несовместима с концепцией цивилизованной жизни, что запрет на них носит абсолютный характер, и применение пыток не может быть оправданным ни при каких обстоятельствах.

Но, вопреки абсолютной сущности запрета, печально то, что пытки и другие формы жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения продолжают иметь место, и это не смотря на существующие традиционные институты и механизмы, обеспечивающие официально приемлемый и достаточный «уровень соблюдения законности в местах лишения свободы и содержания под стражей», выраженные в таких формах как прокурорский надзор в пенитенциарных и к ним приравненным учреждениям, и контроль администрации мест временного лишения свободы.

В тоже время, достаточно часто прокуроры, рассматривающие жалобы задержанных или арестованных на незаконные действия полиции при задержании, или при проведении уголовного преследования, оказываются в противоречивой ситуации.

Проблема в том, что органы прокуратуры в нашей стране, руководя уголовным преследованием и осуществляя его, по сути дела по-прежнему обеспечивают надзор за законностью на этапе досудебного расследования, сочетая эту функцию с одновременным поддержанием государственного обвинения по уголовным делам в судах.

Так или иначе, устанавливая факты применения пыток и иного жестокого обращения при проведении предварительных (досудебных) следственных действий, прокуратура фактически ослабляет позицию обвинения, подвергая сомнению законность добытых доказательств вины и возможность их использования в суде.

Поэтому, очевидно, что прокуратура объективно не заинтересована проводить тщательное разбирательство жалоб о применении пыток.

В результате сложившейся практики, граждане ради которых, собственно говоря, и ведется борьба с преступностью, сейчас одинаково боятся как преступников, так и полиции.

Безусловно, при таком положении дел борьба с преступностью, даже на теоретическом уровне, не может считаться и тем более быть признанной успешной.

Наряду с указанными, другой из числа определяющих причин нарушений прав человека временно лишеного свободы, в качестве установленной законом меры ограничения или наказания, выступает определенная закрытость органов правопорядка от контроля со стороны общества и средств массовой информации.

Сегодня доступ общественности в места содержания под стражей в Республике Молдова всецело зависит от усмотрения администрации учреждения, которая, в соответствии с законодательством, вправе дать разрешение на доступ или отказать в нем. По этой причине посещение мест содержания под стражей представителями гражданского общества, в том числе НПО, в большинстве своем, носят разовый или эпизодический характер, а более или менее системные мониторинги, к сожалению, охватывают закрытые учреждения только в отдельных регионах. Этим, в определенной мере, объясняется недостаточная на сегодняшний день степень исследованности мест содержания под стражей в плане соблюдения прав и свобод человека, в том числе право на свободу от пыток и жестокого обращения.

Работая над докладом, организация, проводившая мониторинг ИВС Гагаузии, не стремилась к опровержению официальной информации. Организация признает, что за последние несколько лет в Республике Молдова наблюдались некоторые позитивные изменения в пенитенциарной системе, коснулись они, и изоляторов временного содержания.

Мы ставили перед собой задачу представить наиболее полную и объективную информацию по поводу ситуации с пытками и другими видами жестокого обращения, а также соблюдения прав человека, включая условия содержания в изоляторах временного содержания АТО Гагаузия.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ. МЕТОДОЛОГИЯ МОНИТОРИНГА

Основопологающей целью реализуемого проекта является проведение объективного мониторинга ситуации сложившейся с соблюдением прав и свобод человека в местах содержания под стражей, размещённых на территории АТО Гагаузия и разработка рекомендаций, реализация которых позволила бы создать институциональный и функциональный механизм, обеспечивающий эффективное предупреждение самого явления пыток и бесчеловечного обращения и содержания заключённых и арестованных.

Средствами обеспечения достижения декларируемой цели выступают следующие задачи:

- сбор и распространение информации о методах и практиках действий полицейских при осуществлении мероприятий связанных с ограничением свободы, кратковременного либо достаточно продолжительного по времени применения;

- привлечение внимания общественности и институтов власти к проблемам соблюдения прав человека в местах содержания под стражей, включая проблему негуманного и жесткого обращения с задержанными и заключёнными;

- обнаружение случаев неправомерного, в том числе и преступного обращения с лицами, содержащимися в местах временного лишения свободы, квалифицируемых как применение пыток и реагирование относительно них в доступных формах и приемлемыми средствами;

- оказание юридической помощи лицам, содержащимся под стражей в связи с проводимым исследованием;

- выявление потенциальных рисков, создающих реальные предпосылки для нарушения прав лиц находящихся под стражей и снижение степени и уровня их опасности;

- анализ действительного положения и ситуации в рассматриваемой области отношений применительно к специфике и особенностям объекта исследования;

- оценка соблюдения нормативных правил и процедур, обеспечивающих права и законные интересы граждан, подвергнутых ограничению свободы;

- выработка предложений и рекомендаций по изменению реальной негативной ситуации, имеющейся в местах временного лишения свободы;

- предоставление результатов мониторинга заинтересованным государственным органам для их последующего обсуждения с целью совершенствования системы содержания под стражей;

- содействие практической реализации разработанных по итогам мониторинга рекомендаций;

- стимулирование активности категории лиц находящихся под стражей и гражданского общества в вопросах защиты и предупреждения нарушений фундаментальных прав человека, связанных с неприкосновенностью личности.

При проведении мониторинговых исследований особое внимание было уделено соблюдению основных международных стандартов обращения с заключенными, таких как:

- право на свободу от пыток и жестокого, унижающего человеческое достоинство обращения;
- коммуникационные права (на информацию, на обращение с жалобами и др.);
- право на защиту;
- право на достойные условия содержания и гуманное отношение;
- право на медицинское обслуживание.

В качестве объектов мониторинга выступили действующие на территории АТО Гагаузия места содержания под стражей, представленные в виде изоляторов временного содержания комиссариатов полиции Комратского, Чадыр-Лунгского и Вулкэнештского районов.

Для обеспечения осуществления мониторинговых исследований на постоянной и систематической основе, и достижения, тем самым, устойчивых и объективных показателей, на этапе организационных мероприятий проекта, со всеми комиссариатами полиции, в рамках которых непосредственно действуют указанные изоляторы временного содержания, а также с их вышестоящим руководящим органом (Управление внутренних дел Гагаузии) были заключены соглашения, устанавливающие основы сотрудничества между неправительственной организацией, проводившей мониторинг (Юридическая клиника Комрат) и указанными органами полиции, порядок проведения мониторинга, права и полномочия наблюдателей, благодаря которым по итогам завершения проекта были получены достаточно значительные по объему и содержанию эмпирические материалы, позволившие провести анализ предпринятого исследования и обеспечить его достаточную репрезентативность.

При проведении мониторинга в основном использовались следующие методы:

Анкетирование задержанных и арестованных лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания органов полиции, непосредственно при посещении данных мест содержания под стражей наблюдателями общественной организации.

Для этих целей был использован формализованный тип анкеты, разработанный с учетом специфики предмета исследования и субъектов анкетирования.

Интервьюирование содержащихся в изоляторах временного содержания задержанных и арестованных лиц, отказывающихся по тем или иным мотивам (по соображениям личной безопасности, недостаточной грамотности и др.), от участия в анкетировании.

Сбор информации (документированной, статистической, свидетельской, публицистической и др.) из разнообразных источников официального и неофициального характера (при условии подтвержденности её происхождения и достаточной достоверности), имеющей прямое либо опосредованное отношение к теме и задачам исследования.

Анализ обращений граждан по вопросам, относящимся к теме исследования, поступивших в рамках приемов, организованных и периодически проводимых в качестве составной части проекта.

I. Пытки и другие виды жестокого обращения в ИВС Гагаузии (Комрат, Чадыр – Лунга, Вулкэнешть)

В рамках проекта был осуществлен мониторинг соблюдения прав, а также условий содержания и обращения порядка 500 временно задержанных и арестованных лиц, пребывающих в изоляторах временного содержания АТО Гагаузия.

Исследование и оценка состояния соблюдения прав граждан, находящихся в местах заключения, была осуществлена в отношении всех категорий лиц, размещенных в изоляторах временного содержания на момент посещения мест содержания под стражей, за исключением граждан, отказавшихся по тем или иным соображениям, от участия в мониторинговых мероприятиях.

Абсолютное большинство задержанных и арестованных лиц достаточно инициативно участвовало в проведении мониторинга, как посредством анкетирования, так и интервьюирования.

При этом интервью, как правило, использовалось не в качестве альтернативного варианта метода изучения поставленных вопросов, а, главным образом, как дополнительный способ мониторингового исследования, позволяющий наиболее полно и достоверно отразить реальную картину положения заключенных и уровень соблюдения их прав и законных интересов.

Исследования фактического состояния соблюдения прав и свобод граждан, заключенных в места содержания под стражей, проведены на территории всех административно-территориальных единиц, входящих в АТО Гагаузия (м. Комрат, г.г. Чадыр-Лунга и Вулкэнешть).

Изоляторы временного содержания комиссариатов полиции представляют, на сегодняшний день, единственный вид учреждений временного лишения свободы, размещенных в АТО Гагаузия, которые, исходя из территориального принципа организации и деятельности органов полиции, предназначены для содержания лиц, подвергнутых мерам процессуального принуждения и мерам пресечения, всех населенных пунктов автономно-территориального образования.

Одновременно, ИВС комиссариатов полиции (преимущественно ИВС Комратского РКП) выполняют функции места временного содержания арестованных и осужденных к лишению свободы лиц (постоянно содержащихся преимущественно в пенитенциарных учреждениях г. Кахул), уголовные дела которых находятся на стадии апелляционного либо кассационного рассмотрения в апелляционной палате Комрат, расположенной в м. Комрат.

При проведении проектных исследований были изучены вопросы соблюдения законодательства всех возрастных категорий населения, находящихся в местах заключения под стражу: мужчин, женщин, несовершеннолетних.

Проведенные в ходе мониторинга мероприятия (главным образом социологические опросы в форме анкетирования и целевые интервью с конкретизированной тематикой

вопросов, выясняемых у каждого из опрашиваемых респондентов), свидетельствуют о достаточной подверженности исследуемой области отношений нарушениям правового характера.

1.1. Право на свободу от пыток и жестокого обращения

Право на свободу от пыток и жестокого обращения, рассматриваемое как наивысшая ценность современного демократического государства, регулируется целым рядом базовых национальных и международных нормативных (либо выполняющих роль ориентирующих) документов.

Запрет на применение пыток и жестокого обращения является нормой международного права, которая должна действовать в любое время и при любых обстоятельствах. Никаких исключений из этого правила быть не может и любое государство не может отступить от своих обязательств ни во время чрезвычайного положения в стране, ни по каким – либо иным причинам.

Несмотря на существующие институциональные и функциональные механизмы, гарантирующие предупреждение данного негативного явления и непосредственно направленные на борьбу с ним, а также на усилия, предпринимаемые гражданским обществом, тем не менее, практика свидетельствует о наличии значительного числа нарушений в рассматриваемой сфере.

Граждане продолжают сталкиваться с такими взаимосвязанными негативными социальными феноменами как пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство наказание и обращение.

Мониторинг условий содержания заключенных и обращения с ними, изучение и анализ обстоятельств совершения конкретных нарушений прав и свобод граждан указывает на наличие непосредственной взаимосвязи между имеющимися проблемами правоохранительных органов и типичными ситуациями, в которых чаще всего правоохранители нарушают права и свободы, а также конкретными типами нарушений.

Проведенные опросы и иные способы фиксации и наблюдения за условиями содержания и порядком обращения в учреждениях, обеспечивающих содержание лиц под стражей, позволяет выделить ряд типичных ситуаций и случаев нарушения прав человека.

а) Применение физического и психологического насилия при задержании в связи с подозрением в совершении преступлений

Из числа декларированных заключенными случаев применения насилия в той или иной форме (всего зафиксировано 51 сообщение о применении в отношении лиц содержащихся под стражей физического или психологического насилия, что составляет порядка 10 % от числа лиц принявших участие в опросах), подавляющее большинство заявлений касается применения насильственных действий со стороны сотрудников полиции при задержании в связи с подозрением в совершении преступлений (порядка 90 % от указанного числа обращений).

Наиболее часто избиению, пыткам подвергаются задержанные в первые часы, дни, после задержания. Сотрудники уголовной полиции и офицеры, осуществляющие расследование уголовных дел, стремятся использовать ситуацию стресса для "ломки" сознания и психики подсудимых с целью получения признания и сведений по делу. Пытки и приравненные к ним виды незаконных действий используются как наиболее простое, быстрое и эффективное средство для этих целей. Часто, используется такое средство, как торговля «эпизодами», цель которого - добиться согласия обвиняемого «взять на себя» несколько нераскрытых преступлений.

Так, в отношении задержанного и впоследствии арестованного К.В. (ИВС Вулкэнешть) первоначально, при задержании было применено психологическое воздействие в сочетании с демонстрацией угрозы применения физического насилия («на столе у полицейского лежали дубинки, о применении которых мне постоянно напоминали в случае не признания вины») в целях добиться признания в совершении ещё 6 преступлений такого же типа, а через неделю, перед допросом К.В. был избит по тем же соображениям необходимости признания вины по указанным эпизодам.

Лишь последующее вмешательство адвоката, проведшего, по словам заключенного «переговоры с комиссаром полиции», позволило прекратить насилие в отношении К.В.

По степени распространенности, преимущественно применяется физическое насилие, которое, по мнению респондентов, либо не адекватно ситуации, сложившейся на момент задержания, либо вообще не уместно как таковое.

К примеру, при задержании несовершеннолетнего К.С., подозреваемого в совершении кражи, последний был избит (получил несколько ударов в область тела и по спине), только по причине того, что до момента задержания скрывался от полиции, которая долгое время не могла его найти по месту жительства.

Достаточно много случаев необоснованного применения физической силы полицейскими при задержании, когда отсутствуют какие-либо обстоятельства, обосновывающие необходимость её применения как таковой.

Так, при задержании заключенного Л.С., который не оказывал какого-либо сопротивления и не совершал других действий препятствующих его доставлению в полицию и помещению под стражу, полицейский несколько раз беспричинно ударил его дубинкой по спине, в целях, как он выразился, «профилактики правонарушений».

Несмотря на незначительное число случаев применения как формы насилия психологического давления и угроз (в ходе мониторинга было выявлено 4 случая, что составляет около 1% от общего числа жалоб), обращает на себя внимание их достаточная вариативность, что свидетельствует об устойчивом и развивающемся характере использования данного средства насилия в арсенале правоохранительных органов.

Наряду с банальными угрозами о применении физической силы, в случае не признания вины и тому подобными «привычными» формами психологического воздействия, в практике содержания под стражей имеют место и другие, достаточно не тривиальные по своему происхождению.

К примеру, после задержания 23.11.2011 г. подозреваемого Г.О. (ИВС Комрат) в течение суток содержали не в изоляторе временного содержания, а в одном из кабинетов комиссариата без питания и без вывода в туалет для отправления естественных надобностей, с угрозой постоянного применения такого рода содержания в случае не признания вины.

в) Незаконные задержания и применение насилия к гражданам, не совершившим преступления, по явно малозначительным поводам или вовсе без поводов

В результате опроса респондентов, обратил на себя внимание еще и такой факт, как бесосновательное применение физической силы и специальных средств работниками полиции применительно к ситуациям, которые по определению не могут расцениваться как криминальные, и тем самым, дающие основания для использования такого рода практик.

Примером подобного рода неправомерных действий, свидетельствующих о применении насилия по отношению к гражданам, может быть следующая ситуация.

20.05.2012 г. при вызове полиции по факту предполагаемого мелкого хулиганства, спровоцированного бытовым конфликтом, работниками службы уголовной полиции Комратского РКП были избиты гр-не С.А. и Г.Д., (одному из которых в результате применения силы были причинены телесные повреждения средней тяжести в виде сломанной челюсти).

Причиной столь жестокого обращения с указанными лицами, которые подозревались в совершении правонарушения, выступило, якобы, их сопротивление полицейским при помещении в автомашину для последующей доставки в полицию.

Во многих случаях заведомо незаконное, неспровоцированное проявление жестокости связывается с «сопротивлением» сотрудникам полиции.

В таких случаях, потерпевший, чьи показания противостоят лишь показаниям сотрудников правопорядка, не только остается беззащитным, но и находится под угрозой уголовного обвинения, что можно расценивать как своего рода средство шантажа. Очевидно, что в подобных ситуациях пострадавшему не представляется возможным защитить себя от противоправных действий.

с) Применение физического и психологического насилия при осуществлении процессуальных действий в связи с уголовным преследованием

Несмотря на предусмотренную действующим законодательством уголовную ответственность за принуждение к даче показаний (ст. 309 УК РМ), в том числе сопряженное с применением насилия или с жестоким и бесчеловечным обращением, по случаям избиений на этапе уголовного преследования до сих пор отсутствует действенный механизм правовой защиты.

Об этом свидетельствует как практически полное отсутствие возбужденных уголовных дел по фактам такого рода, так и судебных решений, являющихся

единственными реальными критериями и показателями практики борьбы с пытками как незаконным средством установления истины в уголовном процессе.

Между тем, тема получения доказательств при помощи различного вида неправомερных действий, включая наиболее неприемлемые из них (пытки и др.), органами уголовного преследования является наиболее злободневной и, соответственно, проблематичной.

Основная масса нарушений прав и свобод задержанных и арестованных лиц, находящихся под стражей, связана именно с проблемами сбора доказательств и применяемыми при этом средствами и методами их получения правоохранительными учреждениями.

Учитывая ограниченность в выборе средств защиты от методов незаконного добывания доказательств, степень риска нарушения прав граждан в условиях лишения свободы, пусть даже и временного, многократно возрастает.

Указанный негативный эффект увеличивается за счет постоянного присутствующего фактора конфиденциальности (тайности, отсутствия какой-либо публичности) сопровождающего проведение процессуальных действий в отношении лиц пребывающих под стражей.

Не случаен тот факт, что избиения, истязания и другие формы незаконных действий на этапе уголовного преследования, сопоставимы по количеству и степени распространенности с применением физического и психологического насилия при задержании в связи с подозрением в совершении преступлений.

Из участвовавших в проводимом исследовании арестованных лиц, почти каждый девятый опрошенный (57 респондентов) заявил о применении по отношению к нему, в той или иной форме незаконных действий со стороны полиции, направленных на получение доказательств виновности в совершении тех или иных преступлений.

Как правило, принуждение к даче «нужных показаний» обеспечивается применением насилия или угрозой его применения, с демонстрацией используемых средств выполняющих роль «пыточных инструментов» или их последствий.

Среди видов насилия, о применении которого было заявлено опрошенными, преобладает физическое воздействие, имеющее цель причинение боли и возбуждение чувства страха самой угрозой её причинения.

Применяемые средства физического воздействия достаточно разнообразны и в тоже время типичны для такого рода практики получения признательных показаний.

Это и применение непосредственно физической силы (удары кулаками и ногами по различным частям тела, удары предметами – дубинками, палками и т.п.), использование технических средств для пыток электрическим током, создание искусственных, неудобных для человеческого организма поз, нахождение в которых вызывает боль и причиняет физиологические расстройства (пристегивание наручниками к радиаторам отопительной системы, установка распорок для рук и ног) и др.

Необходимо отметить и применение т.н. квалифицированных форм истязаний, таких как избиение пластиковыми бутылками наполненными водой или мешочками с песком наиболее болезненных частей человеческого организма (области почек, печени и т.п.), применение которых не оставляет внешних видимых следов на теле, и, в тоже время, причиняющих наиболее острые формы боли.

В ряде случаев, сведения, сообщенные заключенными относительно применения к ним незаконных методов получения доказательств, соотносимые с имеющимися фактами и материалами уголовных дел, достаточно очевидно характеризуют применявшееся к ним насилие как пытки.

К примеру, заключенный К.С. (ИВС Чадыр-Лунга), содержащийся под стражей с 2008 г., при проведении опроса заявил, что, начиная с момента задержания и до предъявления ему обвинения в совершении преступления, на протяжении нескольких месяцев он подвергался истязаниям и избиениям со стороны полицейских.

Сначала его били пластиковыми бутылками, наполненными водой, по голове, затем пристегивали к радиатору и снова били до тех пор, пока он не подписал нужные показания.

При одном из избиений у него сломали правую руку, а в другом случае от причиненной боли он прокусил себе язык.

В обоих случаях никакой медицинской помощи, в том числе и в случае перелома руки, ему не оказывали, сломанная рука на протяжении месяца заживала сама, в результате чего перебитая кость неправильно срослась и в настоящее время рука утратила прежние функции (не выпрямляется).

На всем этапе восстановления, заключенный какого-либо лечения, даже элементарного, не принимал, и до тех пор, пока полученные травмы не зажили (более месяца), к нему не допускали адвоката, а поданные в устной форме жалобы прокурору (писать он не мог по указанной выше причине) были проигнорированы.

В ходе судебного разбирательства по определению суда была проведена судебно-медицинская экспертиза на предмет наличия указанных повреждений, по заключению которой были подтверждены перелом и травма языка, которые по времени происхождения соответствуют временному периоду его задержания и нахождения под стражей.

Также, в рамках судебного процесса, заключенным К.С. и другими подсудимыми, обвиняемыми в совершении преступления, было сделано заявление о применении в ходе уголовного преследования недозволенных методов расследования со стороны полиции, по которым прокурорами на протяжении 3 лет было вынесено 5 постановлений, из которых 3 постановления - об отказе в начале уголовного преследования, и 2 постановления - об отмене ранее принятых ими же постановлений об отказе в начале уголовного преследования.

О качестве проверок прокуроров по фактам избиений и пыток со стороны полиции, красноречиво свидетельствует следующий факт.

Во всех случаях проведения проверок, заключенный К.С. даже не был опрошен по обстоятельствам заявления данного в суде.

Во всех случаях принятия прокурорами решений об отказе в начале уголовного преследования (постановление от 13.02.2009 г., постановление от 27.04.2011 г. и постановление от 26.08.2011 г.), прокурором, по факту истязаний заключенного К.С. из года в год, воспроизводилась одна и та же фраза – «опросить К.С. не представилось возможным в связи с его тяжелым состоянием здоровья».

Примерно такого же рода заявления были даны другими заключенными, проходящими в качестве соучастников по уголовному делу, обвиняемыми совместно с К.С. в совершении одного и того же преступления (заключенные К.В. и Г.Д.), с той разницей, что им, в результате допросов «с пристрастием», не были причинены тяжкие повреждения, подобные повреждениям К.С., и дополнения относительно других процессуальных нарушений и разнообразия в применении видов насилия (перевоз с территории другого государства (Украины), без применения правил экстрадиции, избиение во время движения в автомобиле и др.).

Несмотря на явные свидетельства незаконного ведения уголовного преследования и применение полицией пыток и истязаний при расследовании уголовного дела с участием указанных заключенных, официально факт пыток, либо принуждения сопряженного с применением насилия к даче показаний, установлен так и не был, главным образом вследствие необъективного и формального отношения к своим обязанностям тех должностных лиц, которые проводили соответствующие проверки.

В тоже время примечательны и достаточно красноречивы факты наличия ряда окончательных судебных решений по данному уголовному делу.

В первом случае определением Высшей судебной палаты было отменено как незаконное ранее принятое определение апелляционной палаты Кахул об оставлении без изменений приговора суда о признании виновными и осуждении вышеназванных лиц, по мотивам необъективного проведения проверок обстоятельств применения незаконных методов уголовного преследования, а также их проведения с грубыми нарушениями существующих правил и рекомендаций, вытекающих из практики Европейского суда по правам человека (дело Корсакова против Молдовы, дело Бойченко против Молдовы, дело Брябина против Молдовы).

Во втором случае, после повторного рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке, определением апелляционной палаты Комрат от 25.05.2012 г. был частично отменен ранее вынесенный приговор суда, и принято новое решение о снижении сроков назначенного наказания в виде лишения свободы практически до уровня минимально предусмотренных санкциями соответствующих статей УК РМ (ч. 2 ст. 187 и ч. 5 ст. 188 УК РМ), по основаниям предусмотренным ч. 4 ст. 385 УПК РМ – сокращение наказания подсудимому в качестве возмещения за допущенные нарушения при условии установления нарушений прав подсудимого и лиц по чьей вине они были допущены.

Таким образом, указанными решениями, в условиях официального непризнания фактов незаконного применения насилия при осуществлении уголовного преследования, судебные инстанции по существу подтвердили обратное, констатировав нарушения прав лиц привлекаемых к уголовной ответственности, произошедшие вследствие неправомерных действий органов полиции и, отчасти, прокуратуры, которые, при объективном рассмотрении и оценке, следовало признавать не иначе как пытками и бесчеловечным обращением с заключенными, даже с учетом того, что ими действительно было совершено инкриминируемое преступление.

К сожалению, подобные факты не являются единичными, исключительными и уникальными в практике обращения с задержанными и арестованными, содержащимися в пенитенциарных и приравненных к ним учреждениях.

Примерами аналогичного явно жестокого и противоправного поведения полицейских по отношению к задержанным является и вышеупомянутый случай доставки С.А., подозреваемого в совершении правонарушения (не преступления!) в полицию, в результате чего у него была сломана челюсть, задержание и допрос, совмещенный с избиением заключенного С.Р., в ходе которого ему сломали руку, что впоследствии, после разбирательства его жалобы прокурором было признано деянием его сокамерников, которые при этом, по немотивированным и необъяснимым причинам не понесли за это какой-либо ответственности.

Достаточно распространенной формой нарушений порядка и правил осуществления уголовного преследования, является применяемое в ходе допросов психологическое воздействие на заключенных, нередко в сочетании с угрозами и определенными демонстрационными действиями по их реализации.

При этом, обычно такого рода воздействие исходит от офицеров уголовного преследования, и, напротив, в меньшей степени от работников других служб полиции (уголовной полиции), использующих менее щепетильные и более грубые способы насильственного влияния в целях получения нужных признательных показаний.

d) Недозволенные формы обращения и насилие со стороны администрации учреждений, обеспечивающих содержание лиц под стражей

При проведении исследований, с целью выяснения условий содержания арестованных и задержанных лиц, было зафиксировано несколько обращений заключенных относительно необоснованного применения физического насилия, истязаний и иных неправомерных действий со стороны органа полиции, отличающихся от предыдущих иной мотивацией и происхождением.

Данный вид нарушений прав и свобод лиц, лишенных свободы и содержащихся в заключении, имеет достаточную специфику и существенные отличия от других типов незаконного обращения и правонарушений, наблюдаемых в отношении лиц находящихся под стражей.

С одной стороны, указанные нарушения отличаются от ущемлений прав граждан при задержании в связи с подозрением в совершении преступлений и т.н. «должностного»

насилия, применяемого при осуществлении процессуальных действий в связи с уголовным преследованием, основным побудительным мотивом которых является стремление раскрытия преступлений любыми способами и методами и получение признательных показаний о совершении преступлений конкретными лицами.

С другой стороны имеются существенные различия между данной группой нарушений прав заключенных и внешне сходными с ними нарушениями условий пребывания в изоляторах временного содержания, происхождение которых, во многом объясняется, условно говоря, т.н. техническими причинами (плохое питание, не соблюдение правил личной гигиены и санитарии, недостаточность комфорта и т.п.).

Рассматриваемая категория нарушений прав лиц, к которым были применены меры процессуального принуждения, имеет особую этиологию и характер.

Как правило, причиной их появления и существования являются конфликтные ситуации, возникающие между заключенными и администрацией (персоналом) учреждений, обеспечивающих содержание лиц под стражей.

По своему характеру конфликтность подобных ситуаций может быть обусловлена самыми разнообразными обстоятельствами: личными, объективными, спровоцированными, спонтанно возникшими и др.

Независимо от характера и мотивов, конфликтные ситуации всегда оцениваются как нарушение той или иной стороной, установленных правил и норм поведения применительно к сложившимся условиям, в рассматриваемом случае - порядка и правил поведения в изоляторах временного содержания.

Встречаются случаи, когда урегулирование подобных конфликтных ситуаций выступает их разрешение неправомерным образом, в форме применения физического принуждения, прямого насилия и жесткого обращения с арестованными, сходного с применением пыток.

Необходимо отметить, что одной из причин существования потенциальных условий применения такого типа насилия, является нерегламентированность действующим законодательством правил поведения в таких видах учреждений, обеспечивающих содержание лиц под стражей, как изоляторы временного содержания МВД, включая вопросы ответственности за нарушения данных правил.

С момента отмены Закона РМ «О предварительном заключении» (2005 г.), регулировавшего, в определенной степени, порядок содержания под стражей в ИВС до настоящего времени так и не принят какой-либо официальный нормативный акт, определяющий правовой статус изоляторов временного содержания, устанавливающий режим пребывания, права, ответственность и другие аспекты их функционирования.

Безусловно, подобная неурегулированность создает объективные предпосылки для произвольного понимания и толкования, складывающихся в повседневной жизни ситуаций, в том числе конфликтной направленности и способов их разрешения.

Как правило, учитывая заведомое неравноправие и неравенство сторон в подобных ситуациях, пострадавшей всегда является сторона, обладающая меньшим объемом прав и гарантий их защиты.

Примером, достаточно точно отражающим проблематику вышеуказанных отношений, может быть следующий случай, зафиксированный в ходе мониторинга.

19.12.2011 г. в связи с недовольством ряда заключенных несвоевременностью оказания одному из них, Ч.И., медицинской помощи, а также создаваемыми неудобствами в виде шума от производимых строительно-ремонтных работ в здании комиссариата полиции Комрат, выразившегося, в свою очередь, в поджоге заключёнными тряпок в одной из камер и нанесением ударов ногами в двери камер, по указанию руководства органа полиции в камерах ИВС были проведены проверки-обыски личных вещей заключенных на предмет обнаружения запрещенных к использованию предметов.

При этом все содержащиеся в камерах лица, были выведены в коридор, и обыск был проведен без их участия.

По словам заключенных лиц, подавших впоследствии жалобы в прокуратуру, полицейскими целенаправленно при проведении обыска и проверок был устроен беспорядок, а именно, все вещи заключенных были выброшены на пол и намеренно разбросаны.

Таким же образом полицейские поступили с имевшимися продуктами питания и предметами, предназначенными для соблюдения личной гигиены, которые также были раскиданы по полу.

При этом часть личных вещей была намеренно уничтожена или повреждена (у Ч.И. к примеру была порвана куртка, разбита чашка, используемая для потребления воды, а имевшаяся зубная паста полностью выдавлена из тюбика на пол).

Указанные, явно осознанные действия полиции, в свою очередь спровоцировали дальнейшее обострение конфликтной ситуации, названной впоследствии «бунтом», в ходе которой к ряду наиболее «инициативных» заключенных было применено физическое воздействие и иные меры, которые исходя из характера их применения, являлись явно неадекватными и не соответствовали сложившейся ситуации.

Так, заключенный К.И. в ответ на словесное оскорбление в адрес полиции, вызванное устроенным беспорядком, был избит группой полицейских из 8 человек, из которых он знал как минимум 3 (наносились удары ногами по голове, руками по почкам и рёбрам).

После этого К.И., в одной футболке вывели во двор комиссариата, где он в течение 2 часов находился под дождем.

Аналогичные заявления по поводу произошедшего конфликта и примененного насилия были сделаны заключенными П.С., Ч.И., Х.Ф. и Р.А., которыми также были поданы письменные обращения о незаконных действиях полиции в Центр по правам

человека, прокуратуру и непосредственно организации осуществлявшей мониторинг (Юридическая клиника Комрат).

По результатам рассмотрения всех указанных жалоб и обращений, сконцентрированных в прокуратуре м. Комрат, после проведенной проверки было принято решение об отказе в начале уголовного преследования, по мотиву отсутствия в действиях полицейских элементов какого-либо преступления.

Следует отметить, что подобного рода инцидент в течение мониторингового периода был зафиксирован всего лишь один раз.

2. Реагирование на заявления о применении пыток и жестокого обращения

а) Документирование фактов пыток и жесткого обращения в ИВС

Одна из директив Стамбульского протокола подчёркивает важную роль медицинских работников в сфере документирования случаев пыток¹.

В свою очередь, медицинские работники, документируя факты применения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и давая свои заключения, должны быть независимы, беспристрастны и объективны.

В настоящее время установлена процедура передачи информации о фактах получения телесных повреждений, причинённых действиями правоохранительных органов, от учреждений здравоохранения в правоохранительные органы (совместный приказ Министерства здравоохранения и Министерства внутренних дел №372/388 от 03.11.2009 г. «О мерах по улучшению сотрудничества между органами здравоохранения и органами внутренних дел»).

Данная процедура предполагает обязанность всех лечебно-профилактических учреждений, независимо от ведомственной принадлежности и формы собственности, незамедлительно сообщать в территориальную или специализированную прокуратуру обо всех фактах поступления граждан с телесными повреждениями, а также о фактах самостоятельного обращения граждан с телесными повреждениями насильственного характера, причинёнными действиями правоохранительных органов.

Между тем, насколько тщательно лечебно-профилактическими учреждениями (медицинскими работниками) будут изучены жалобы потерпевших о применении к ним пыток, а, в последствии, насколько точно и правильно будет задокументирован характер и степень причиненных телесных повреждений, будет зависеть эффективность и объективность расследования подобного рода преступлений.

Потенциально такая процедура должна обеспечивать поступление данных о пытках и жестоком и унижающем обращении в компетентные органы, однако, на практике этого не случается.

¹ Резолюция по пыткам Генеральной Ассамблеи ООН, декабрь 2000 год, «Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (Стамбульский протокол)»

Законом РМ «О Прокуратуре», уголовно-процессуальным законодательством, актами Генерального прокурора, прокуратуре предоставлены достаточно широкие полномочия по инициативному выявлению сведений о готовящихся, совершаемых, и совершенных преступлениях, проверке сообщений о них и проведению расследований.

Эти нормы в равной степени применены к пыткам и другим преступлениям схожего характера.

Для реализации данных задач разработан механизм надзора прокурора, специализирующегося по вопросам борьбы с пытками за исполнением законов о порядке приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, в том числе связанных с пытками.

Данные социологических опросов неофициального характера свидетельствуют о том, что достаточно часто сами пострадавшие просят не сообщать в правоохранительные органы сведения о полученных травмах.

Очевидно, что лица, пострадавшие от плохого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, объективно полагают и считают, что сообщение об этих травмах в официальные структуры не поможет им защитить свои права, а может только навредить.

Ведомственными актами МВД РМ предусмотрены обязательные процедуры выявления телесных повреждений, в том числе характерных для жестокого и бесчеловечного обращения и наказания, а также пыток, при поступлении задержанных за административные правонарушения и преступления в места принудительного содержания или изоляции. В тоже время на практике данные положения не реализуются, поскольку изоляторы временного содержания находятся в ведении органов внутренних дел и ведомственный корпоративизм всегда будет превалировать по отношению к служебному долгу.

На практике, имеют место случаи (опросы родственников пострадавших от действий сотрудников полиции), когда правоохранительные органы, органы власти или руководство лечебных учреждений требовали не фиксировать повреждения или не сообщать о зафиксированных повреждениях, предположительно причиненных сотрудниками правоохранительных органов.

Предполагается, что прокуроры, посещающие с установленной периодичностью ИВС в рамках осуществления своих надзорных функций, а также ведущие опросы задержанных, должны отреагировать, если поступила устная жалоба или если он сам видит следы насилия.

На практике обязанность реагирования на устные жалобы исполняется далеко не всегда.

К примеру, при анкетировании заключенный К.И. пояснил, что при проверке прокурором законности соблюдения условий содержания под стражей, прокурору была

подана устная жалоба об его избиении сотрудником уголовной полиции Г. непосредственно после задержания и перед проведением допроса.

Вместо документирования и рассмотрения поданной жалобы прокурором, реакцией на неё стал приход в камеру указанного полицейского Г., с угрозами расправы за её написание.

При проведении мониторинга не было установлено ни одного случая, когда прокурором были зафиксированы факты применения пыток к лицам, задержанным по подозрению в совершении преступления.

Единственными случаями инициативного рассмотрения прокурорами фактов возможных пыток являются ситуации, когда в ходе судебного рассмотрения уголовных дел подсудимыми подаются заявления о применении к ним незаконных методов уголовного преследования, и, исходя из требований ведомственных актов и устоявшейся судебной практики, проводятся соответствующие проверки на предмет применения пыток.

В тоже время, такая форма реагирования на заявления о пытках является практически абсолютно неэффективной по причине её запоздалости.

К примеру, в 2011 г. прокуратурой АТО Гагаузия был рассмотрен рапорт прокурора, зафиксировавшего в ходе судебного разбирательства заявление подсудимого К.В. о примененном в отношении него, на этапе расследования уголовного дела еще в 2004 г. физическом и психологическом насилии со стороны сотрудников полиции в целях получения признательных показаний.

Вполне закономерным итогом разбирательства по данному рапорту явилось принятие решения об отказе в начале уголовного преследования.

Во всех органах прокуратуры действуют специализированные подразделения либо отдельные прокуроры, осуществляющие надзор за законностью при исполнении наказаний, регулярно посещающие изоляторы временного содержания.

В рамках таких проверок сотрудники прокуратуры могут выявить признаки пыток или жестокого и унижающего обращения и предпринять соответствующие меры реагирования.

Общественность получает крайне мало информации о результатах этой деятельности органов прокуратуры.

В официальных докладах о деятельности органов прокуратуры обнаруживаются некоторые сведения о грубых нарушениях условий содержания заключенных, обнаруженных прокурорами: нарушения в обеспечении заключенных питанием, факты содержания заключенных в помещениях не соответствующих требуемым стандартам и т.п.

При этом в докладах не содержится информации о выявленных органами прокуратуры фактах противоправного применения насилия к заключенным, либо данная информация крайне незначительна.

Интервью, данные в ходе проводимых исследований, свидетельствуют о том, что прокуроры, посещающие пенитенциарные учреждения, не всегда проводят тщательную проверку ситуации в них, и не всегда контактируют непосредственно с заключенными.

Представляется, что сотрудники прокуратуры, не пользующиеся в должной мере полномочиями по осмотру помещений изоляторов временного содержания и по непосредственному контакту с заключенными, сами лишают себя возможности выявлять признаки пыток и тех форм жестокого обращения, которые не связаны с материальными условиями содержания под стражей.

б) Расследование предполагаемых случаев пыток и иных видов жестокого обращения с заключенными, содержащимися в ИВС Гагаузия

Основным способом борьбы с преступлениями рассматриваемого типа является рассмотрение заявлений и жалоб жертв пыток либо иных субъектов иницилирующих их подачу и рассмотрение.

Расследование случаев, потенциально подпадающих под статус пыток и других видов жестокого обращения, обнаруженных в результате т.н. самоосведомления, крайне редки, вследствие недостаточного проявления компетентными органами самостоятельной инициативы в данном направлении.

В большинстве случаев проверки сообщений о пытках проводятся в связи с рассмотрением обращений пострадавших или их представителей.

В рамках проводимых исследований, органами прокуратуры были предоставлены официальные статистические данные о числе зарегистрированных сообщений о пытках, жестоком и унижающем обращении и результатах проделанной работы по их рассмотрению и расследованию.

Представленная статистика свидетельствует о наметившейся тенденции количественного снижения числа подаваемых жалоб и осведомлений на незаконные действия органов полиции, классифицируемые как пытки и жестокое обращение с заключенными.

Так, если в 2009 г. в прокуратуры региона было направлено от лиц, содержащихся под стражей, их защитников и законных представителей 43 подобных заявления, в 2010 г. - 36 жалоб, то за период 2011 г. число таких обращений составило всего 27.

В текущем году (2012 г.) указанная тенденция сохраняется, что выражается в уменьшении числа официально зарегистрированных жалоб по вопросам пыток (за 1 полугодие 2012 г. во все прокуратуры автономии поступило 12 петиций такого рода).

Указанные данные, на наш взгляд, имеют достаточно объективный характер, продиктованный рядом обстоятельств и факторов.

Необходимо отметить улучшение работы органов прокуратуры в данном направлении, увеличение количества проводимых специализированных мероприятий в рассматриваемой области борьбы с преступностью, имеющих, прежде всего, превентивное значение.

К числу подобных нововведений в практике предупреждения и борьбы с насилием, применяемым к заключенным, следует отнести регулярные (не менее 1 раза в месяц) проверки с целью выявления данных преступлений, проведение периодических обобщений практики деятельности за соблюдением прав и свобод задержанных и арестованных лиц, внедрение специализированных форм и видов отчетности, определенные институциональные преобразования (создание в качестве самостоятельной службы в составе Генеральной прокуратуры отдела по борьбе с пытками), специализация отдельных прокуроров по расследованию преступлений т.н. пыточной направленности, создание Национального механизма по предупреждению пыток.

Другим фактором, определяющим снижение числа обращений заключенных на условия содержания и действия полицейских, является уменьшение количества задержанных лиц и лиц, в отношении которых были применены меры процессуального принуждения, связанные с временным лишением свободы, а также, что существенно более важно, сокращение времени пребывания указанных лиц в изоляторах временного содержания.

На сегодняшний день в соответствии с установленной практикой, определяемой в свою очередь требованиями ведомственных актов регламентирующих организацию деятельности ИВС, содержание арестованных лиц в изоляторах временного содержания ограничивается периодами времени продолжительностью не более 10 дней.

Кроме того, в настоящее время наметилась и четко проявляется тенденция, суть которой состоит в переводе арестованных лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания (из ведения МВД РМ) в пенитенциарные учреждения (в ведение Министерства юстиции РМ).

В целом, необходимо признать, что активизация деятельности правоохранительных органов в сфере предупреждения и борьбы с пытками и должностным насилием в отношении заключенных, имеет ярко выраженный эффект, выражающийся в первую очередь в повышении уровня защищенности прав и свобод граждан, находящихся под стражей. О данной положительной тенденции свидетельствуют также пояснения лиц (опрошенных в ходе мониторинга), задержанных еще в 2008-2010 гг.

В связи со снижением количества обращений подобной тематики и направленности, имеет место существенное уменьшение числа выявляемых преступлений, начатых уголовных преследований и, соответственно, уголовных дел, направленных для рассмотрения в судебные инстанции.

Если в 2009 г. прокуратурами были возбуждены и расследовались 6 уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 309/1 УК РМ (3 уголовных дела) и ст. 328 УК РМ (3 уголовных дела), в 2010 г. 4 уголовных дела (одно по ст. 309/1 УК РМ и три по ст. 328

УК РМ), то в 2011 г. было начато уголовное преследование только по 1 уголовному делу, которое впоследствии было прекращено.

Также в 2011 г. 1 уголовное дело было начато Генеральной прокуратурой, передано для производства уголовного преследования в прокуратуру АТО Гагаузия и после расследования прекращено ввиду отсутствия события преступления.

Несколько улучшены показатели выявления и расследования уголовных дел по фактам преступного насилия и пыток в отношении заключенных в первой половине 2012 года, за счет возбуждения 3 уголовных дел (одно по ст. 309/1 УК РМ и два по ст. 328 УК РМ) прокуратурой м. Комрат (в остальных трех территориальных прокуратурах в первом полугодии 2012 г., уголовные дела указанной категории не возбуждались).

Из уголовных дел расследованных прокуратурами в 2009 г. 3 уголовных дела прекращено и соответственно 3 направлено в суд для рассмотрения по существу, в 2010 г. 1 уголовное дело прекращено, 2 направлены в суд и 1 направлено для расследования по компетенции в военную прокуратуру, в 2011 г. оба уголовных дела, имевшихся в производстве, были прекращены.

Направленные в суд уголовные дела (2009 г. – 3, 2010 г. – 2) в настоящее время рассмотрены (за исключением 1 уголовного дела), с вынесением во всех случаях обвинительных приговоров.

Все осужденные лица, являвшиеся сотрудниками полиции (один уже бывшим) были приговорены к лишению свободы с применением положений ст. 90 УК РМ (условное осуждение).

Принимая во внимание приведенные данные, можно сделать вывод, что в среднем органы прокуратуры устанавливают факты пыток в каждом 9 - 11 случае из всех направленных сообщений, а вину должностных лиц в их совершении в каждом 15-18 случае.

В сравнении с данными о расследовании общеуголовных преступлений, показатели по расследованию жалоб на пытки выглядят чрезмерно низкими.

Представляется, что столь существенную разницу нельзя объяснить лишь объективными трудностями, с которыми сталкиваются прокуроры при расследовании таких специфических преступлений, какими являются пытки и жестокое обращение.

Информация, собранная и полученная при проведении мониторинга, показывает, что официальные проверки и расследования сообщений о пытках в целом ряде случаев не соответствуют стандартам эффективности.

Несмотря на то, что в рамках исследования отсутствовала возможность доступа и изучения материалов официальных расследований по фактам пыток и бесчеловечного обращения, собранные сведения и представленные заключенными документы о результатах рассмотрения их жалоб, позволяют сделать некоторые выводы относительно качества подобного расследования.

В первую очередь следует отметить отсутствие в ряде случаев всесторонности и объективности расследования предполагаемых фактов насилия и пыток.

Так, в ранее описанном случае рассмотрения заявления об избиении и применении пыток к заключенному К.И. (имевшем место 19.12.2011 г. в ИВС Комрат), прокурором так и не были даны объяснения документированным посредством судебно-медицинского освидетельствования телесным повреждениям квалифицированным как незначительный вред здоровью.

При том, что данное освидетельствование установило такого рода повреждения и давность их происхождения (время их появления различается на несколько дней с временем предполагаемого нанесения их при избиении К.И. полицейскими), прокурор без выяснения обстоятельств и причин их появления, при том, что К.И. с мая 2011 г. содержится под стражей, сделал абсолютно нелогичный и противоречивый вывод о том, что «акт судебно-медицинского освидетельствования опровергает доводы К.И. относительно его избиения сотрудниками полиции».

Об отсутствии всесторонности данного расследования свидетельствует и тот факт того, что прокурором не была проведена проверка заявленного случая жестокого обращения с К.И. после избиения, а именно выведение его практически без верхней одежды ночью зимой на улицу во время дождя, под которым он провел порядка 2 часов.

Достаточно ярким примером неэффективного и сугубо формального расследования обстоятельств предполагаемых пыток является рассмотрение заявлений заключенных К.С., К.В. и Г.Д. (ИВС Чадыр-Лунга) о применении к ним недозволенных методов уголовного преследования при задержании и допросах.

По времени данное разбирательство заняло более двух с половиной лет, во время которого прокурорами было вынесено 5 решений, в том числе 2 постановления об отмене ранее принятых решений об отказе в начале уголовного преследования.

Несмотря на столь длительный период рассмотрения заявлений о пытках, большинство из поставленных заключенными вопросов либо не были разрешены в принципе как таковые, либо были просто проигнорированы.

Так, абсолютно не выяснены такие вопросы как достоверность и обоснованность перемещения задержанных по уголовному делу К.В. и К.С. с территории Украины на территорию Молдовы, без использования института экстрадиции, обстоятельства и причины перелома руки и причинения иных телесных повреждений (которые были задокументированы) арестованному К.С., избиение должностными лицами органа полиции на которых непосредственно указывают заключенные.

Примечательно, что о необходимости проведения проверок вышеуказанных обстоятельств давались как рекомендации со стороны прокурора поддерживающего государственное обвинение по данному уголовному делу (письмо прокурора от 20.04.2011 г.), указания вышестоящего прокурора, изложенные в постановлении об отмене ранее принятого решения об отказе в начале уголовного преследования, так и обращалось

внимание непосредственно судом, рассматривающим данное уголовное дело в апелляционном порядке (обращение апелляционной палаты от 23.08.2011 г.).

Дополнительной характеристикой такого рода «расследования» заявления о пытках, явилось то обстоятельство, что проверку заявления о применении пыток и избиении заключенного К.С. проводил прокурор с принятием решения об отказе в начале уголовного преследования, осуществлявший одновременно руководство уголовным преследованием по данному делу, что прямо противоречит правилам и рекомендациям расследования фактов пыток вытекающих из практики Европейского суда по правам человека (дело Брябина против Молдовы).

Тем не менее, основной проблемой при расследовании жалоб на пытки, на наш взгляд, выступают не только нарушения, связанные с организацией сбора доказательств, а нечто иное, имеющее более скрытый, и, в силу этого, более устойчивый характер.

Проблема в том, что многие прокуроры, проводя проверку, часто оценивают ситуацию с позиции власти, которая всегда права ("ни за что - не бьют").

Очень часто, исходя из этой посылки, происходит поверхностная оценка или тенденциозная интерпретация фактов и обстоятельств, и на этой основе делаются выводы такого же свойства.

Часто неформальные отношения, складывающиеся между правоохранительными органами, также выступают фактором, препятствующим объективности и законности расследования заявлений о пытках.

В определенной степени причины неэффективности прокурорского контроля, в том числе, прокурорских проверок и расследований по жалобам на пытки, совершенных сотрудниками полиции, обусловлены функциональными противоречиями в организации и деятельности самой прокуратуры.

В настоящее время на прокуратуру законодательно возложены функции как по руководству уголовным преследованием, так и функции по надзору за законностью действий констатирующих субъектов и самих органов уголовного преследования.

В рамках деятельности по уголовному преследованию, органы прокуратуры ведут расследование различных видов преступлений, а также представляют государственное обвинение в суде, в том числе и по тем делам, по которым уголовное преследование осуществлялось другими органами.

Представляя обвинение в суде, прокурор опирается на данные, которые были получены в ходе следствия и оперативно-розыскной деятельности. Выявляя нарушения при проведении уголовного преследования и оперативно-розыскной деятельности, прокуратура ставит под сомнение доказательства по уголовному делу и подрывает позицию обвинения в суде, т.е. собственную позицию.

На практике конфликт между функцией уголовного преследования и функцией надзора за уголовным преследованием, осуществляемым другими уполномоченными органами, включая полицию, чаще всего разрешается в пользу укрепления позиций

обвинения, нежели разбирательства жалоб подозреваемых и обвиняемых на пытки и иные нарушения.

Это достаточно открыто заявляется и поддерживается прокурорами, считающими своей основной задачей преследование преступников и борьбу с преступностью.

Приоритетом при надзоре за законностью расследования, по-прежнему является обеспечение достоверного учета преступлений, а не борьба с нарушениями прав подозреваемых и обвиняемых.

В тоже время сотрудники прокуратуры, выказывают пренебрежительное отношение к жалобам граждан на сотрудников полиции, мотивируя это тем, что посредством жалоб (в том числе на пытки и незаконное воздействие) подозреваемые и обвиняемые пытаются избежать ответственности за совершенные преступления или выражают свою обиду на то, что их привлекли к уголовной ответственности.

Проведенный анализ имеющихся материалов, показывает, что деятельность органов прокуратуры, к чьей компетенции отнесено проведение проверок по сообщениям о совершении сотрудниками органов внутренних дел преступлений, а также уголовное преследование по уголовным делам по такого рода преступлениям, не достигает конечной цели уголовного преследования - изобличения лиц, виновных в совершении преступлений, и привлечение их к уголовной ответственности.

Прокуроры, являющиеся по своему правовому положению руководителями уголовного преследования, в полной мере не используют свои полномочия для надзора за законностью деятельности органов полиции, защиты прав и законных интересов граждан и, в первую очередь, потерпевших от преступлений.

В ходе анализа были выявлены следующие типичные случаи нарушения прав человека сотрудниками органов прокуратуры:

1. Принятие «незаконных процессуальных решений» об отказе в возбуждении уголовных дел по заявлениям о совершении сотрудниками полиции преступлений.

2. Неправильное применение должностными лицами прокуратуры норм материального права при квалификации незаконных действий сотрудников полиции.

3. Бездействие должностных лиц прокуратуры при защите прав пострадавших от незаконных действий сотрудников полиции на стадии уголовного преследования.

4. Несоблюдение объективности и всесторонности проводимых проверок по сигналам о совершении преступлений полицейскими, волокита при их разрешении, ненадлежащий прокурорский надзор за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства, что приводит к принятию незаконных процессуальных решений.

5. Волокита, приводящая к истечению сроков давности привлечения к ответственности.

в) Доступ к расследованию и уведомление заявителей о результатах рассмотрения жалоб о пытках и иных видах жестокого обращения с заключенными

Национальное законодательство предоставляет потерпевшему от преступления (в том числе от пыток) или его представителю возможность ходатайствовать о проведении тех или иных следственных действий, право принимать участие в действиях по уголовному преследованию с разрешения лица его производящего, право представлять доказательства, право быть уведомленным о принятых по делу решениях, право знакомиться с материалами расследования и т.д.

Лицо, подавшее жалобу на пытки или иное преступление, не становится потерпевшим автоматически. Статус потерпевшего присваивается постановлением органа уголовного преследования, принимаемым в установленном порядке.

Предоставление УПК РМ права на ознакомление с материалами уголовного расследования исключительно участникам уголовного судопроизводства, в том числе потерпевшему, в сочетании с правовыми нормами, освобождающими прокурора и офицера по уголовному преследованию от обязанности давать какие-либо объяснения по существу находящихся в их производстве дел и материалов, а также предоставлять их кому бы то ни было для ознакомления иначе как в случаях и порядке, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, фактически ограничивает лицо, подавшее жалобу на пытки, в возможности ознакомиться с материалами расследования, в случаях, если по жалобе принято решение об отказе в начале уголовного преследования, а пострадавший не признан участником уголовного судопроизводства (потерпевшим).

Безусловно, по смыслу, придаваемому названным положениям закона правоприменительной практикой, во всех случаях отказ предоставить гражданину для ознакомления материалы, непосредственно затрагивающие его права и свободы, без предусмотренных законом надлежащих оснований, связанных с содержанием указанных материалов, создает препятствия судебной проверке обоснованности таких отказов.

Реализация права на обжалование тех или иных процессуальных решений предполагает обеспечение заинтересованному лицу права ознакомиться с самими этими решениями.

К сожалению, несмотря на правовые гарантии доступа к расследованию, требования закона зачастую в правоприменительной деятельности нарушаются.

Повсеместно распространенным явлением выступает установившаяся практика т.н. резолютивного уведомления заявителей о результатах проведенных проверок и разбирательств поданных жалоб и принятых при этом процессуальных решениях, когда просителю в краткой форме сообщается итог рассмотрения его жалобы, без объяснения мотивов его принятия.

При этом, в случае издания процессуального решения (вынесении постановления об отказе в начале уголовного преследования), заявителю сообщается только о факте принятия такого рода решения, без направления копии вынесенного акта, иногда в

сочетании с разъяснением права ознакомления с принятым решением в дополнительном порядке.

Очевидно, что находясь в условиях ограничения свободы и обычных прав, для заключенных такого рода уведомления о результатах рассмотрения их обращений создают дополнительные проблемы для реализации права на достаточное и полное информирование о принятых решениях, затрагивающих их права и законные интересы, и существенно ограничивают возможности для обжалования подобных решений в обычном и судебном порядке.

Не менее распространенным явлением, постоянно акцентируемым при социологических опросах, выступает практика не уведомления заявителей о результатах рассмотрения подаваемых ими прошений и петиций.

Практически каждый третий опрошенный респондент, из числа подавших ранее жалобы в органы прокуратуры и другие учреждения, показал, что ответ на его обращение им получен не был, в том числе и в случаях проявления с его стороны определенной инициативы для его получения.

Несвоевременное уведомление пострадавших и их представителей о решениях, принятых по жалобам, в том числе и о пытках, или не уведомление их вовсе, лишает пострадавших возможности своевременно обжаловать незаконные решения, затрудняет их доступ к правосудию, и фактически является одним из средств сокрытия допущенных нарушений закона.

II. Соблюдение гарантий против применения пыток и других видов жестокого обращения в отношении лиц, содержащихся в ИВС Гагаузии

Основополагающими гарантиями против жестокого обращения являются право на доступ к адвокату, право сообщить о своём задержании третьей стороне, а также право на доступ к врачу, которые в своей совокупности играют ключевую роль в сборе доказательств и передаче сведений о жестоком обращении. Эти основополагающие гарантии призваны не только сдерживать «склонных к жестокому обращению»,¹ но и являются ключевыми для обеспечения эффективных путей передачи жалоб на жестокое обращение и соответствующих доказательств.

2.1. Обеспечение права на защиту

Общеизвестно, что обеспечение подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений своевременного и беспрепятственного доступа к квалифицированной юридической помощи (защитнику) является важнейшей мерой предупреждения и предотвращения пыток.

В этой связи следует отметить, что в действующем уголовно - процессуальном законодательстве Республики Молдова содержится достаточный комплекс норм (ст. ст. 64, 66, 68-69 и др. УПК РМ) которые подробно и обстоятельно регламентируют порядок осуществления и обеспечения права подозреваемого, обвиняемого на доступ к защитнику.

По смыслу указанных норм УПК РМ право подозреваемого (обвиняемого) на доступ к защитнику должно обеспечиваться в любой момент, когда возникает объективная необходимость защиты прав и свобод подозреваемого, обвиняемого в связи с производством по уголовному делу.

В частности, лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления, право на доступ к защитнику должно обеспечиваться уже с момента фактического задержания (ст. 167 УПК РМ).

Проведённый мониторинг показал, что право на защиту задержанных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в ИВС Гагаузии (Комрат, Чадыр-Лунга, Вулкэнешть) в основном обеспечивается.

Так, из 500 опрошенных респондентов 425 человек (85%) сообщили, что их право на защиту было обеспечено (во всех случаях был предоставлен защитник). (В ходе мониторинга было выявлено, что из 500 опрошенных респондентов услугами адвоката, предоставляющего бесплатную квалифицированную юридическую помощь, гарантируемую государством - воспользовались 390 человек (78% опрошенных респондентов), 22% респондентов (110 человек) заявили, что они самостоятельно заключили контракт с адвокатом).

В то же время, в ходе мониторинга было выявлено, что в ряде случаев имели место и некоторые нарушения требований международных стандартов и национального

¹ Шестой Общий отчёт о деятельности КПП, СРТ/Inf (96) 21, пункт 15

законодательства в плане обеспечения права на защиту (о чём сообщили 75 респондентов - 15% опрошенных).

Исследования фактического обеспечения права на защиту свидетельствуют о том, что наиболее часто нарушения указанного права происходят при применении такой меры процессуального принуждения как задержание лиц по подозрению в совершении преступления.

Как правило, само задержание, для граждан подвергаемым такого рода процедуре, представляется серьезной стрессовой ситуацией, когда привычные условия жизни внезапно и неожиданно изменяются на совершенно иные как с точки зрения их содержания, так и с позиции возможности влияния и управления ими.

Учитывая конфиденциальный характер задержания, органы, осуществляющие уголовное преследование, используют данные выгодные для них обстоятельства, практикуя проведение с подозреваемыми и обвиняемыми не предусмотренных УПК РМ «оперативно-розыскных мероприятий» в форме так называемых «бесед», которые преподносятся как свободное (добровольное) неформальное и конфиденциальное общение соответствующих должностных лиц правоохранительных органов, с подозреваемыми и обвиняемыми.

Поскольку проведение такого рода мероприятий в УПК РМ не регламентируется, считается, что при их проведении нет и никакой необходимости в обеспечении подозреваемому (обвиняемому) каких-либо процессуальных прав, включая право на доступ к защитнику.

В связи с таким толкованием и применением норм УПК РМ на практике, в частности, лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления, право на доступ к защитнику практически никогда не обеспечивается с момента фактического задержания.

Обычно защитник впервые появляется либо при официальном оформлении задержания (составлении протокола), которое на самом деле проведено значительно ранее, либо в начале первого официального допроса лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, который должен проводиться не позднее 24-х часов с момента фактического задержания.

Защитник подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей в изоляторе временного содержания, как правило, не предупреждается должностными лицами полиции о том, что с его подзащитным запланировано проведение «беседы».

Не сообщается адвокату о «беседе» и после её проведения.

Между тем, в отдельные периоды расследования по уголовному делу «беседы» по своей продолжительности и интенсивности порой превосходят предусмотренные УПК РМ следственные действия, проводимые с подозреваемым и обвиняемым, осуществленные в тот же период.

В действительности указанные «беседы» для подозреваемого (обвиняемого) редко являются добровольными, уже хотя бы потому, что у подозреваемого (обвиняемого) никто и никогда не спрашивает согласия и тем более разрешения на такого рода неформальное общение.

В частности, подозреваемый (обвиняемый), содержащийся в ИВС, независимо от его желания выводится из камеры сотрудниками указанных мест содержания под стражей по требованию должностного лица или лиц, явившихся для проведения «беседы».

Продолжительность «беседы» также полностью зависит от усмотрения должностных лиц, её инициировавших.

Неформальность так называемой «беседы» тоже имеет своеобразие и означает, во-первых, отсутствие какого-либо оформления и фиксации процесса беседы, и, во-вторых, отсутствие обеспечения каких-либо процессуальных прав «собеседника» (подозреваемого, обвиняемого), и, прежде всего, права на доступ к защитнику.

Имея такие характеристики, «беседа» предоставляет должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, широчайший арсенал средств влияния на подозреваемого, обвиняемого, включая различные виды психического и физического насилия.

Подмена официального задержания и допроса «беседами» позволяет сотрудникам полиции ограничить или исключить контакты заподозренного в совершении преступления человека с адвокатом и родственниками, что облегчает получение информации о преступлении.

Следует отметить, что полученная от подозреваемого, обвиняемого в результате «беседы» «явка с повинной» или иной документ произвольной формы, в котором содержатся какие-либо признания относительно расследуемого преступления, в ходе дальнейшего судопроизводства используется в качестве допустимого доказательства даже в тех случаях, когда подозреваемый (обвиняемый) не подтверждает изложенные в указанном документе сведения в ходе официальных допросов, проводимых в порядке, предусмотренном УПК РМ, с участием адвоката (защитника), в том числе при допросе в суде.

Описанная выше практика ненадлежащего (дискретного) обеспечения права подозреваемого, обвиняемого на доступ к защитнику, оставляющая широкие возможности для различных видов недопустимого обращения с подозреваемым, обвиняемым, включая пытки, сформировалась ещё в период действия предыдущего УПК РМ¹ и не претерпела каких-либо существенных изменений с вступлением в силу нового УПК РМ², прежде

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова, утвержден Законом Молдавской ССР от 24 марта 1961 года (Ведомости Верховного Совета Молдавской ССР, 1961 г., № 10, ст. 42), утратил силу 12 июня 2003 г.;

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова №. 122, от 14.03.2003; Опубликован: 07.06.2003 в Monitorul Oficial Nr. 104-110; вступил в силу: 12.06.2003.

всего, вследствие неурегулированности данных отношений, имеющих фактическое существование и последующее правовое оформление.

Отдельно, в рамках мониторинговых исследований, были проведены интервью с практикующими адвокатами (12 человек). Так, некоторые из опрошенных правозащитников (7 человек), сообщили что «органы уголовного преследования стараются ограничить доступ адвокатов к задержанным не только в первые часы, но и дни после задержания».

Адвокаты сообщили и о существовании других методов противодействия работе защитника.

Например, перевод задержанного из одного изолятора временного содержания в другой, назначение процессуальных действий в то время, когда адвокат находится в суде по другому делу, заведомо запоздалое уведомление о назначении к проведению определенных действий процессуального характера, отказ в свидании с клиентом по надуманным мотивам, отказ в предоставлении материалов дела под самыми различными предложениями и т.д.

Второй по значимости проблемой реализации права на защиту является проведение значительного числа процессуальных действий без участия защитника.

Из принявших участие в опросах заключенных более 30 человек (порядка 6 % респондентов) заявили о проведении всех либо ряда процессуальных действий с их участием без защитника.

К примеру, обвиняемый У.А. (ИВС Комрат) при интервью сообщил, что адвоката он впервые увидел только на этапе завершения уголовного преследования, при предъявлении ему обвинения.

До этого все процессуальные действия с ним, включая допросы, очные ставки и воспроизведение показаний на месте проводились без защитника.

В другом случае (анкетирование подсудимого Т.Н.) защитник, по словам респондента, начал участвовать только при рассмотрении уголовного дела в суде. До этого ни одно процессуальное действие, в том числе и предъявление подозрения и обвинения, по словам Т.Н. не проводилось с участием адвоката.

В ходе мониторинга ряд заключенных (1,8% или 9 респондентов) неудовлетворительно высказались относительно действий адвокатов, которые, не участвуя с ними в проведении процессуальных действий, подписывают впоследствии по договоренности с представителями органов уголовного преследования и прокурорами документы об их фиксации, фальсифицируя данные средства доказательств и препятствуя тем самым эффективной защите прав обвиняемых от имеющихся нарушений такого вида.

Например, подсудимые К.С. и К.В. будучи допрошены в суде об обстоятельствах проведения очной ставки, пояснили, что данное процессуальное действие проводилось без участия адвокатов, которых у них на тот момент не было, а о том, что при этом участвовал

адвокат В., явно не соответствует действительности, поскольку данного адвоката они ни разу не видели на этапе досудебного расследования дела.

Имеют место случаи некавалифицированного и некачественного оказания правовой помощи при предоставлении защиты (сообщили 2 % опрошенных – 10 респондентов).

Так, в процессе интервью К.А. (ИВС Комрат) сообщил, что первоначальные допросы проводились без участия защитника, сам защитник был назначен спустя 2-3 недели после задержания, который вел себя исключительно пассивно, ни разу не встретился с ним для конфиденциальной беседы и выяснения действительных обстоятельств дела, на допросах и других следственных мероприятиях никогда не задавал каких-либо вопросов и ничего не выяснял, и в целом его роль как защитника была сведена только к подписанию процессуальных документов.

Следует отметить, что оценка качества предоставляемой адвокатами защиты, осуществлялась только на основании данных, полученных из интервью с заключенными под стражу. Для формирования объективных и достоверных выводов об эффективности адвокатской помощи, необходимо проведение более масштабного исследования, включающего в себя изучение материалов дела, интервью с адвокатами, опрос лиц, содержащихся в ИВС и т.п.

Анализом выполненных мониторинговых исследований установлены и документально подтвержденные случаи нарушения гарантированного законом права на защиту.

К примеру, при опросе заключенного Г.Д. (ИВС Комрат), последний пояснил, что защитник у него появился только спустя неделю после задержания и водворения в ИВС, который впоследствии после отказа от его услуг осуществлял защиту его подельника по уголовному делу К.В. у которого с ним разные, противоречащие друг другу показания.

Одновременно, опрошенный подсудимый К.В. заявил, что действительно, как он впоследствии узнал в суде, определенное время защиту его интересов выполнял адвокат М., в том числе посредством участия в процессуальных действиях (проведение очных ставок, допросы), который ранее защищал его подельника Г.Д., давшего в отношении него признательные показания о якобы совершении им преступления.

Об аналогичных нарушениях было заявлено заключенным Т.С. (ИВС Комрат), которому после избития полицейскими назначили адвоката, одновременно защищавшего его подельника, несмотря на наличие разных показаний даваемых ими.

Мониторингом установлен и достаточно уникальный случай, вряд ли имеющий расхожий характер, а именно: использование показаний защитника для опровержения заявления его подзащитного о применении к нему пыток.

Так, при упомянутом выше случае рассмотрения заявления заключенных К.С., К.В. и Г.Д. о применении к ним незаконных методов уголовного преследования при задержании и допросах, прокурором, в нарушение установленных правил и запретов, был опрошен адвокат М., который дал объяснение об обстоятельствах защиты подсудимого

Г.Д., и которое, наряду с другими материалами расследования было положено в основу принятия прокурором решения об отказе в удовлетворении вышеназванного заявления о пытках.

2.2. Обеспечение права на доступ к врачу

Право на доступ к врачу содержит в себе логически связанное с ним право на медицинское освидетельствование, проводимое вне пределов слышимости и (если врач однозначно не требует иного) видимости полицейских и других не связанных с медициной лиц. Результаты медицинского освидетельствования подлежат надлежащей фиксации и передаче задержанному и его адвокату.

При наличии множества рекомендаций и предложений, а также положений международно-правовых актов, устанавливающих необходимость в целях предупреждения и предотвращения пыток проведения медицинского обследования по прибытии в места содержания под стражей, медицинский осмотр задержанных и арестованных при поступлении их в ИВС Гагаузии, по-прежнему является не обязательной, а рекомендуемой процедурой.

Указанная ситуация сохраняется несмотря на то, что прокуроры, ведущие борьбу с пытками и некоторые полицейские считают такую процедуру как минимум оправданной, а как максимум необходимой, применение которой позволило бы разрешить многие вопросы возникающие в практической деятельности.

Для эффективной реализации права на доступ к врачу, в первую очередь, необходимо наличие самого персонала. Мониторинг выявил, что во всех ИВС Гагаузии предусмотрена штатная единица медицинского работника (фельдшера).

В то же время, на момент проведения мониторинга из трёх ИВС Гагаузии, лишь ИВС Чадыр – Лунга располагал на протяжении всего мониторингового периода (октябрь 2011 – сентябрь 2012) фельдшером, который проводил медицинский осмотр задержанных и арестованных при поступлении их в ИВС.

В других ИВС (Комрат и Вулкэнешть) наличие фельдшера не было постоянным. Так, в ИВС Комрат на начало мониторинга фельдшер работал по совместительству, а начиная с марта 2012 года, данные функции никто не выполняет (предыдущий фельдшер уволился). Аналогичная ситуация наблюдалась и в ИВС Вулкэнешть (на начало мониторинга должность фельдшера была вакантной). Однако, начиная с 2012 года, данная проблема была разрешена.

Исследования фактического обеспечения права на доступ к врачу показали, что право на прохождение задержанными медицинского освидетельствования в ИВС Гагаузии формально обеспечивается. Так в ходе мониторинга было установлено, что ни одному из задержанных, которые обращались с просьбой о проведении медицинского освидетельствования, отказано не было. В то же время, период с момента такого обращения до непосредственного проведения освидетельствования исчисляется зачастую неделями.

Примером этому может послужить сообщение опрошенного в ходе мониторинга К.И., который пояснил, что подав жалобу прокурору о применении к нему физической силы со стороны работников полиции, лишь спустя несколько недель было проведено медицинское освидетельствование.

2.3. Информирование задержанных и арестованных об основаниях применения мер процессуального принуждения и праве на защиту

Составной частью права на защиту выступает выполнение нормативных обязанностей со стороны органа уголовного преследования, прокурора и суда по своевременному и надлежащему информированию подозреваемых, обвиняемых и подсудимых об основаниях (причинах) применения мер процессуального принуждения и правах дополнительно возникающих в связи с применением мер пресечения.

В настоящее время нормами УПК РМ достаточно конкретизирован порядок обеспечения информирования всех участников уголовного процесса стороны защиты, об установленных правах и порядке их реализации, а также определена форма подобного информирования.

Проведенными в ходе мониторинга опросами лиц, содержащихся в ИВС Гагаузии (Комрат, Чадыр-Лунга, Вулкэнешть) установлено, двоякое исполнение правоохранительными органами указанных функциональных обязанностей по информированию.

Так, если в отношении исполнения обязательств о предоставлении информации о правах в письменном виде, у заключенных особых нареканий нет (об отсутствии письменной информации о правах было заявлено всего лишь порядка 4 % опрошенных лиц, то напротив заключенными (34 % опрошенных лиц) высказано достаточно много претензий, относительно выполнения офицерами уголовного преследования обязанностей по разъяснению прав лицам, привлекаемым в качестве подозреваемых или обвиняемых.

Как правило, в силу занятости, либо по иным причинам, заключенным вручается письменная информация о правах, без одновременного разъяснения её содержания и без выяснения вопросов о её восприятии и понимании.

Во многом это объясняется отсутствием в уголовно-процессуальных документах элементов требующих не только фиксирование осуществления информирования, но и его фактического исполнения, т.е. разъяснения врученной информации о правах.

Комплексной частью права на надлежащее информирование является право лиц содержащегося под стражей в ИВС быть информированными о порядке подачи предложений, заявлений и жалоб, не относящихся к категории предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

О праве направлять предложения, заявления и жалобы, в том числе на действия администрации учреждений, осуществляющих исполнение мер процессуального принуждения, пребывающие в них лица не информируются (отсутствует такого рода обязанность).

Между тем, не информированность о наличии данного права, незнание существующих механизмов и процедур подачи заявления или жалобы делает практически невозможным обжалование действий (бездействий) сотрудников учреждения, обоснованности и законности применения к содержащимся под стражей лицам мер воздействия, а также любых других вопросов, связанных с условиями содержания в изоляторах временного содержания.

В ходе проведения мониторинга были отмечены и другие недостатки в предоставлении информации, в частности, о порядке осуществления гарантированных коммуникационных прав, обеспечивающих связь с внешним миром (право на переписку, на свидание, на получение передач и др.), об адресах, куда можно обращаться с жалобами и заявлениями, о правилах и требованиях установленного режима функционирования мест содержания под стражей.

Неразрешенной проблемой остается как таковое полное отсутствие библиотечного фонда, и в особенности литературы правовой тематики.

В тоже время, несмотря на отсутствие каких-либо нормативных обязанностей в этой сфере, обеспечение изоляторов временного содержания юридической литературой и нормативными актами, представляется на сегодняшний день не только желаемой рекомендацией, но и одной из важнейших задач, без реализации которой, невозможно декларирование соблюдения права на информирование (неотъемлемой частью которого является гарантированность получения информации) и соответственно права на защиту.

2.4. Соблюдение права задержанных и арестованных на уведомление членов семьи (третьих лиц) о задержании или применении меры пресечения (ареста)

Наряду с реализацией права на защиту, предполагающего возможность представления своих прав и интересов посредством выбранного либо назначенного защитника, альтернативной формой позволяющей обеспечивать связь с внешним миром является гарантированная законом возможность уведомления по своему выбору родственников или других лиц о факте задержания (ареста) и месте содержания под стражей.

Данное право предусмотрено и предоставлено как подозреваемым в случаях задержания при подозрении в совершении преступления (ст. ст. 64, 173 УПК РМ), так и для обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде предварительного ареста (ст. 66 УПК РМ).

Проведенный анализ практики реализации указанного права в ИВС Гагаузии в целом свидетельствует о его соблюдении в отношении как подозреваемых, так и обвиняемых.

Большинство из опрошенных по данному вопросу лиц (95%) сообщили, что при задержании (данная мера процессуального принуждения существенно превалирует над арестами) им была предоставлена возможность сообщить членам семьи или знакомым о своем задержании и помещении под стражу.

Вместе с тем, проведенные опросы (5% из опрошенных в ходе мониторинга лиц) подтверждают распространенную практику несвоевременного предоставления возможности для задерживаемых лиц сообщить своим родственникам или по выбору другим лицам о временном лишении свободы.

Объяснение этому явлению выступают те самые неформальные «беседы» сотрудников полиции, как правило, предшествующие официальному задержанию, в ходе которых лица фактически задержанные лишены возможности своевременно сообщить об этом заинтересованным с их точки зрения лицам.

В результате, вместо установленного законом 6-часового предельного срока уведомления о задержании, в действительности задержанные реализуют свои права в значительно более долговременные периоды.

К примеру, гражданин П.С., будучи вызван в орган полиции к 8.00, как это было указано в повестке «для беседы», провел весь рабочий день в «беседах» с представителями уголовной полиции, после чего к 17.00 ему сообщили о его задержании, в связи с подозрением в совершении преступления (ИВС Комрат).

Связаться с близкими он смог только спустя еще 2 часа, при составлении протокола о задержании, который не мог быть своевременно заполнен в связи с запоздалым прибытием адвоката, несвоевременно извещенного о предстоящем процессуальном действии и занятостью офицера по уголовному преследованию, проводившему в течение дня допросы по другим делам.

В другом случае, при задержании К.С., (ИВС Чадыр-Лунга) последнему отказали в праве уведомления о своем задержании родственникам, отобрав у него телефон.

Данным правом он воспользовался только спустя 3 дня, во время процедуры рассмотрения ходатайства прокурора об аресте, и только потому, что заявил об этом на суде и судья дал соответствующее указание полицейским, предоставившим после этого телефон.

В ходе мониторинга было выявлено, что на практике встречаются и другие завуалированные виды нарушений права заключенных на уведомление своих близких о факте задержания (ареста) и месте содержания под стражей.

Ряд респондентов, опрошенных в рамках мониторинга, пояснили, что при задержании, пусть значительно позже, чем это предусмотрено, им давали возможность позвонить своим близким и сообщить о своем задержании и пребывании в определенном месте (ИВС). Однако практически сразу после реализации права на уведомление о задержании, им объявляли, что по тем или иным причинам, они переводятся для содержания в другой территориальный изолятор временного содержания. При этом, на просьбу сообщить родственникам или другими лицам об изменении места своего нахождения, во всех без исключения случаях им было отказано, на том основании, что свое право на уведомление они уже реализовали, а установленные правила пребывания в ИВС запрещают использование заключенными средств телефонной связи, кроме как в установленном порядке и с установленной периодичностью.

III. ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В ИЗОЛЯТОРАХ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ТЕРИТОРИИ АТО ГАГАУЗИЯ

3.1. Порядок содержания под стражей, лиц подвергнутых мерам процессуального принуждения в ИВС Комрат, Чадыр-Лунга, Вулкэнешть

В соответствии с положениями ст. 175/1 Исполнительного кодекса РМ задержание до 72 часов в качестве меры процессуального принуждения, обеспечивается изоляторами временного содержания, с соблюдением прав и основных свобод человека и соответствующих условий содержания.

В тоже время исполнение предварительного ареста в силу требований ч. 9 ст. 175 Исполнительного кодекса РМ обеспечивается пенитенциарными учреждениями, в том числе изоляторами уголовного преследования Департамента пенитенциарных учреждений Министерства юстиции РМ.

При этом изоляторы временного содержания официально не отнесены к категории пенитенциарных учреждений, а изоляторы уголовного преследования, относящиеся к ведению Министерства юстиции РМ, как таковые до настоящего времени не созданы.

Указанные законодательные не состыковки и разночтения в настоящее время разрешаются посредством устоявшейся практики и дополнительно при помощи ведомственного нормотворчества.

Результатом такого рода симбиоза является как таковое отсутствие нормативного урегулирования порядка содержания под стражей в изоляторах временного содержания и не разработка национальных стандартов обеспечивающих соблюдение прав и основных свобод лиц подвергнутых временному лишению свободы в качестве меры процессуального принуждения.

В настоящее время в изоляторах временного содержания комиссариатов полиции содержатся следующие категории лиц:

- лица, задержанные до 72 часов, по подозрению в совершении преступления;
- лица, в отношении которых избрана мера процессуального принуждения в виде предварительного ареста на срок установленный судом в соответствии с положениями ст. 186 УПК РМ;
- лица, осужденные к лишению свободы, в отношении которых решение не обрело окончательный характер (как правило, на период рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке в апелляционной палате Комрат);
- лица, содержащиеся в пенитенциарных учреждениях, временно переведенные в изоляторы временного содержания для производства действий по уголовному преследованию по уголовным делам или в связи с рассмотрением дел в судебных инстанциях;

- лица, осужденные к лишению свободы, в отношении которых решение обрело окончательный характер, до их отправления в места отбывания наказания.

В соответствии с установленной практикой, определяемой в свою очередь требованиями ведомственных актов регламентирующих организацию деятельности ИВС, содержание арестованных лиц в изоляторах временного содержания ограничивается периодами времени продолжительностью не более 10 дней.

Тем не менее, в ходе мониторинга были выявлены случаи, когда срок содержания заключенных в ИВС намного превышал установленный практикой 10 дневный период времени. Так, например, заключенный К.В. (ИВС Комрат), пояснил, что он был этапирован из СИЗО Кахул в ИВС Комрат 18.01.2012 г (якобы для проведения с ним процессуальных действий). С указанной даты до (по крайней мере) 20.03.2012 года он находился в ИВС Комрат. За этот период никаких процессуальных действий с ним не проводилось.

Подобная ситуация наблюдалась и у других заключенных, находящихся в ИВС Комрат.

Порядок содержания под стражей и его регламентирование различается в зависимости от правового статуса указанных категорий лиц.

Для арестованных и других категорий заключенных, кроме задержанных, вследствие того, что их статус приравнен к статусу лиц содержащихся в местах предварительного ареста, применяются положения Исполнительного кодекса Республики Молдова, регулирующие порядок исполнения решений уголовного характера связанных с лишением свободы и соответственно нормативные требования Устава отбывания наказания осужденными, с учетом установленных особенностей и ограничений (ст. 306 Исполнительного кодекса РМ).

В тоже время, порядок и условия содержания под стражей лиц задержанных в связи с совершением преступления или по другим основаниям предусмотренным законодательством, как таковые не урегулированы.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство определяет указанные положения в самом общем виде, без какой-либо конкретизации и уточнений.

В частности ст. 165 УПК РМ давая определение понятию задержания, вскользь упоминает об условиях его исполнения, «определенных законом».

Не менее «размытым» образом сформулирован данный порядок уголовно-исполнительным законодательством, определяющим, по сути, только вид учреждений обеспечивающих исполнение задержания и декларирующим необходимость соблюдения «прав и основных свобод человека и соответствующих условий содержания» - вышеупомянутая ст. 175/1 Исполнительного кодекса РМ.

Безусловно, такая ситуация не регламентированности отношений связанных с соблюдением фундаментальных прав и свобод человека, неприемлема и не допустима,

особенно в условиях постоянно-повседневного применения института задержания в правоприменительной деятельности.

В настоящее время, данный правовой пробел, восполняется нормотворчеством Министерства внутренних дел РМ, носящим полуофициальный характер (имеющиеся ведомственные акты, посвященные указанным вопросам до сих пор не обнародованы (не опубликованы) в установленном порядке), путем разработки ведомственных актов регулирующих некоторые из вопросов связанных с порядком и условиями содержания под стражей задержанных лиц.

В основном задачи регулирования отношений связанных с функционированием изоляторов временного содержания и условий содержания, находящихся в них лиц, на сегодняшний день выполняет приказ Министра внутренних дел РМ №5 от 05.01.2004 г., «О порядке организации и осуществления деятельности по охране, конвоированию и содержанию задержанных и арестованных в ИВС комиссариатов полиции», с последующими изменениями и дополнениями.

Данный нормативный акт включает в качестве составных частей следующие положения и инструкции, образующие, в общем и целом правила и порядок содержания задержанных и арестованных граждан в изоляторах временного содержания:

- положение о службе полиции по охране и конвоированию задержанных и арестованных лиц,
- инструкция о режиме работы в изоляторах временного содержания комиссариатов полиции,
- правила внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания комиссариатов полиции,
- инструкция о деятельности по содержанию задержанных лиц, за совершение административных правонарушений и административных арестованных.

3.2. Общие сведения об изоляторах временного содержания, функционирующих на территории АТО Гагаузия

На территории АТО Гагаузия в соответствии с существующей организацией территориального размещения органов внутренних дел действуют 3 комиссариата полиции Комратского, Чадыр-Лунгского и Вулкэнештского районов.

Каждый из комиссариатов располагает изолятором временного содержания, размещенными непосредственно в зданиях комиссариатов, которые в свою очередь находятся в городах-резиденциях, во всех случаях в центре либо центральной части соответствующего населенного пункта.

Деятельность изоляторов временного содержания в настоящее время регламентируется в основном следующими нормативными актами: Исполнительным кодексом РМ, Законом РМ «О пенитенциарной системе», Уставом отбывания наказания

заключенными, утвержденным Постановлением Правительства РМ № 583 от 26.05.2006 г. и приказом МВД РМ № 5 от 05.01.2004 г. «О порядке организации и осуществления деятельности по охране, конвоированию и содержанию задержанных и арестованных в ИВС комиссариатов полиции».

Расположение, размещение и обустройство изоляторов временного содержания каждого из комиссариатов представлено в ниже приводимых описаниях.

Изолятор временного содержания (далее ИВС) Вулкэнештского комиссариата полиции располагается в административном здании комиссариата, на первом этаже здания.

В настоящее время ИВС Вулкэнештского комиссариата полиции представляет собой комплекс помещений и сооружений состоящий из следующих объектов:

1) 6 камер для размещения заключенных, в отношении которых избрана мера пресечения в виде предварительного ареста, лиц отбывающих наказание за правонарушение в виде административного ареста, и задержанных лиц на краткие сроки (за совершение правонарушений и преступлений).

Из 6 камер временного содержания рассчитанных на 24 лица в настоящее время функционирует 3 камеры, рассчитанные на 12 лиц, остальные 3 камеры не используются в связи с невозможностью размещения в них арестованных и иных лиц (отсутствуют приемлемые условия содержания), в которых был начат ремонт, в настоящее время не проводимый, в связи с отсутствием финансовых средств для его дальнейшего выполнения.

В функционирующих камерах, рассчитанных на длительное пребывание, на сегодняшний день выполнены ремонтные работы, существенно модернизовавшие данные помещения, что позволило создать условия содержания в целом соответствующие всем предъявляемым требованиям.

В каждой из функционирующих камер имеются двухъярусные кровати, умывальник и санузел (унитаз).

Обогрев камер осуществляется посредством радиаторов водяного отопления, оборудованных в каждой из камер.

Наполняемость камер не превышает в среднем 3 лиц, максимальное количество лиц временно лишенных свободы в период проведения мониторинга составило 5 человек.

Проблема нехватки адекватных помещений для содержания лиц, в отношении которых применены меры ограничения связанные с временным лишением свободы, в комиссариате полиции отсутствует.

2) душевой комнаты предназначенной для гигиенических и санитарных мероприятий, оборудованной необходимыми средствами, в том числе и санузлами.

3) медицинского кабинета предназначенного для профилактического медицинского осмотра и оказания необходимой врачебной помощи лицам, содержащимся в ИВС.

Медицинский кабинет нуждается в дополнительном оборудовании и оснащении минимально необходимыми средствами медицинской техники, а также медикаментами и лекарствами.

4) кабинета для проведения действий по уголовному преследованию (кабинет для допросов).

Данное помещение (в связи с отсутствием других помещений) одновременно выполняет функции комнаты для свиданий, а также комнаты для производства личного обыска.

5) помещения предназначенного для организации приема пищи (комнаты для приема пищи), также оборудованного минимально необходимыми предметами позволяющими организовать и осуществлять питание для лиц, отбывающих наказание и других вышеуказанных категорий лиц на приемлемом уровне.

6) прогулочного двора площадью порядка 30 квадратных метров.

Организация деятельности и функционирование изолятора временного содержания осуществляется специализированным подразделением полиции – службой по охране и конвоированию задержанных и арестованных лиц состоящей из 5 полицейских (1 начальник службы и 4 полицейских-конвоира), которая подчиняется непосредственно комиссару РКП.

Фактическая численность данного подразделения на момент начала мониторинга составляла 2 работника.

В связи с не укомплектованием указанной службы, для охраны и конвоирования задержанных и арестованных лиц, задействуются полицейские из других оперативных подразделений комиссариата.

К категории персонала осуществляющего обслуживание ИВС относится также медицинский работник (фельдшер), являющийся штатным работником комиссариата полиции.

Изолятор временного содержания Чадыр-Лунгского комиссариата полиции располагается в административном здании комиссариата, преимущественно в подвальной части.

В настоящее время ИВС Чадыр-Лунгского комиссариата полиции представляет собой комплекс помещений и сооружений состоящий из следующих объектов:

1) 10 камер расположенных в подвальной части здания, предназначенных для размещения задержанных и арестованных и 1 (одной) камеры на первом этаже здания для временного размещения задержанных лиц на краткие сроки.

Из 10 камер временного содержания рассчитанных на 30 лиц в настоящее время функционирует 1 камера, рассчитанная на 3 лица, остальные 9 камер не используются в связи с невозможностью размещения в них арестованных и иных лиц (отсутствуют приемлемые условия содержания) - был начат ремонт, который в настоящее время не осуществляется в связи с отсутствием финансовых средств для его дальнейшего продолжения.

В функционирующей единственной камере, рассчитанной на длительное пребывание, на сегодняшний день выполнены ремонтные работы, позволившие создать условия содержания в целом соответствующие предъявляемым требованиям.

Максимальная наполняемость камер не превышает в среднем 3 лиц.

Проблема нехватки адекватных помещений для содержания лиц, в отношении которых применены меры ограничения связанные с временным лишением свободы, решается путем размещения арестованных и иных лиц в ИВС комиссариатов полиции соседних районов (преимущественно в Комрате, Кахуле и Тараклии).

2) душевой комнаты предназначенной для гигиенических и санитарных мероприятий, оборудованной необходимыми средствами, в том числе и санузлами.

3) медицинского кабинета предназначенного для профилактического медицинского осмотра и оказания необходимой врачебной помощи лицам, содержащимся в ИВС.

Медицинский кабинет нуждается в дополнительном оборудовании и оснащении минимально необходимыми средствами медицинской техники, а также медикаментами и лекарствами.

4) кабинета для проведения действий по уголовному преследованию (кабинет для допросов).

Данное помещение (в связи с отсутствием других помещений) одновременно выполняет функции комнаты для свиданий, а также комнаты для производства личного обыска.

5) помещения предназначенного для организации приема пищи (пищеблока), также оборудованного минимально необходимыми предметами позволяющими организовать и осуществлять питание для лиц, отбывающих наказание и других вышеуказанных категорий лиц на приемлемом уровне.

6) прогулочного двора площадью порядка 40 квадратных метров.

Организация деятельности и функционирование изолятора временного содержания осуществляется специализированным подразделением полиции – службой по охране и конвоированию задержанных и арестованных лиц состоящей из 6 полицейских (1 начальник службы и 5 полицейских-конвоиров), которая подчиняется непосредственно комиссару РКП.

Штат данного подразделения в настоящее время полностью укомплектован.

К категории персонала осуществляющего обслуживание ИВС относится также медицинский работник (фельдшер), являющийся штатным работником комиссариата полиции.

Изолятор временного содержания Комратского комиссариата полиции располагается в административном здании комиссариата, в подвальной части.

В настоящее время ИВС Комратского комиссариата полиции представляет собой комплекс помещений и сооружений состоящий из следующих объектов:

1) 10 камер для размещения задержанных и арестованных.

Из 10 камер временного содержания рассчитанных на 44 лица в настоящее время функционирует 8 камер рассчитанных на 40 лиц.

1 камера (камера №8) не используется в связи с невозможностью размещения в ней арестованных и иных лиц (отсутствуют окна и иные условия содержания), в другой не функционирующей камере проводится ремонт, который на момент наблюдения не осуществляется в связи с отсутствием финансовых средств для его дальнейшего продолжения.

Из 8 эксплуатируемых камер, на сегодняшний день в 3 выполнены ремонтные работы, позволившие создать условия содержания в целом соответствующие предъявляемым требованиям.

Помещения, предназначенные для временного содержания лиц, в отношении которых применены ограничения в виде лишения свободы, рассчитаны на содержание 44 лиц (в настоящее время, в связи с не использованием 2 камер, 40 лиц).

В тоже время максимальная наполняемость камер не превышает в среднем 20-25 лиц.

2) душевой комнаты предназначенной для гигиенических и санитарных мероприятий, оборудованной 2 поливочными душами и санузлами.

3) медицинского кабинета предназначенного для профилактического медицинского осмотра и оказания необходимой врачебной помощи лицам, содержащимся в ИВС.

Медицинский кабинет нуждается в дополнительном оборудовании и оснащении минимально необходимыми средствами медицинской техники, а также медикаментами и лекарствами.

4) кабинета для проведения действий по уголовному преследованию (кабинет для допросов).

Данное помещение (в связи с отсутствием других помещений) одновременно выполняет функции комнаты для свиданий, а также комнаты для производства личного обыска.

5) помещения предназначенного для организации приема пищи (пищеблока).

В настоящее время проводятся работы по ремонту данного помещения, которые также приостановлены в связи с отсутствием финансовых средств для их дальнейшего продолжения.

6) прогулочного двора площадью порядка 30 квадратных метров.

Организация деятельности и функционирование изолятора временного содержания осуществляется специализированным подразделением полиции – службой по охране и конвоированию задержанных и арестованных лиц состоящей из 7 полицейских (1 начальник службы и 6 полицейских-конвоиров), которая подчиняется непосредственно комиссару РКП.

К категории персонала осуществляющего обслуживание ИВС относится также медицинский работник (фельдшер), являющийся работником по совместительству.

3.3. Условия содержания под стражей, лиц подвергнутых мерам процессуального принуждения в ИВС Гагаузии

3.3.1. Соблюдение правил размещения

Международные стандарты (Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными¹, Минимальные стандартные правила отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)²), предписывают раздельное размещение различных категорий заключенных, с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, оснований их заключения и других характеристик.

В частности указанные правила предписывают отдельное размещение обвиняемых от осужденных, с предоставлением им отдельного режима, малолетних правонарушителей отдельно от взрослых и т.д.

Аналогичные требования предусмотрены и национальным законодательством, устанавливающим категоричные и конкретизированные положения относительно правил размещения и содержания отдельных категорий заключенных.

Результаты мониторинга свидетельствуют о том, что правила размещения и содержания отдельных категорий заключенных в ИВС Гагаузии в основном соблюдаются.

В результате мониторинга было выявлено лишь два случая нарушения вышеуказанных требований.

Так, в ходе проводимых наблюдений был выявлен случай совместного содержания несовершеннолетнего в одной камере с взрослыми лицами.

Несовершеннолетний И.Д., первоначально (с 29.06.2012 г.) содержался вместе с лицом, отбывающим арест за совершение правонарушения, а с 08.07.2012 г. продолжал отбывать меру пресечения вместе с взрослым лицом, арестованным за совершение насильственного преступления.

В другом случае был зафиксирован факт незаконного совместного содержания лица отбывающего наказание в виде ареста за совершение правонарушения с лицом, арестованным в связи с совершением преступления.

Так, заключенный Б.Н. (ИВС Комрат) практически весь период ареста за совершение правонарушения (15 дней) содержался с Т.С., арестованным по подозрению в совершении уголовного деяния.

¹ Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными, приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 г., и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С(XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года.

² Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года.

Одним из элементов обеспечения достойного содержания заключенных является условия их транспортировки.

Данный вопрос имеет несколько аспектов.

Во-первых, это негуманные условия транспортировки заключенных вызывающие серьезное беспокойство.

Лица, содержащиеся в изоляторах временного содержания и принимающие в том или ином качестве (подсудимых, свидетелей) участие в судебных слушаниях, нередко испытывают серьезные тяготы и лишения, которые могут рассматриваться как жестокое и бесчеловечное обращение, особенно в случаях, когда судебные разбирательства продолжаются значительный период времени.

В связи с тем, что пенитенциарные учреждения находятся на значительном удалении, конвойная служба, в силу нехватки специальных автомобилей (фургонов) или по иным причинам, «собирает» заключенных по возможности для нескольких дел, а затем развозит их по разным судам, весь процесс во многих случаях занимает для заключенных крайне длительное время.

Прибывшие заключенные, в силу специфики работы судебных учреждений, и отказа в последнее время комиссариатов полиции в принятии такого рода транзитных заключенных на временное (в течение дня) размещение в ИВС, вынуждены ожидать своего судебного разбирательства иногда по несколько и более часов.

Автомобили, предназначенные для транспортировки арестованных, представляют собой специальные фургоны («автозаки»), оборудованные, кроме общего помещения, индивидуальными, огороженными со всех сторон, местами (так называемые «стаканы»).

На одном таком месте может в относительно не стесненном состоянии находиться один человек.

В силу чрезмерной стесненности пенитенциарной службы в финансовых средствах и осуществляемой в связи с этим экономии, в том числе на перевозках заключенных, общие помещения часто бывают переполнены, и иногда в «стаканах» перевозятся по два человека.

Дорога из пенитенциарного учреждения занимает несколько часов, так как одна машина забирает заключенных по нескольким делам и развозит их в разные суды.

По словам опрошенных лиц, перевозка лишена всякого комфорта, часто укачивает до полуобморочного состояния, в фургонах зимой холодно и наоборот летом жарко.

После завершения судебных заседаний заключенные проделывают столь же длительный и лишенный всяких удобств путь обратно, в место постоянного содержания.

В результате зачастую они попадают в свою камеру лишь поздно вечером и не успевают поужинать, либо испытывают другие неудобства связанные с режимом учреждения.

Например, заключенный Г.Д. (в беседе высказал претензии относительно того, что вследствие частых разъездов по судам, он и его подельники лишаются возможности принятия душа, так как часто санитарный день совпадает с днем перевозки (этапа) и они лишены данной гигиенической процедуры как по месту прибытия (ИВС), так и по месту постоянного нахождения под стражей.

Описанные условия транспортировки заключенных лиц в суды и их пребывание в конвойных помещениях судов могут быть признаны как минимум не обеспечивающими надлежащие условия содержания.

Во-вторых, распространенным явлением выступает транспортировка заключенных из пенитенциарных учреждений, где они в силу закона должны содержаться, в изоляторы временного содержания без определенных целей либо для проведения процессуальных действий или судебного слушания, которые долгое время не проводятся.

Общеизвестно, что условия содержания в пенитенциарных учреждениях несколько лучше по сравнению с условиями пребывания в ИВС, как с точки зрения элементарных удобств, так и с позиции различия режимов исполнения.

В связи с этим, практически все заключенные, транспортированные из пенитенциариев в изоляторы временного содержания, выражают недовольство условиями содержания, особенно в случаях безосновательного либо немотивированного затягивания их нахождения в ИВС.

Например, заключенный Л.О. в процессе опроса пояснил, что еще 18.01.2012 г. был перевезен из Кахула в Комрат якобы для ознакомления с делом, с которым его так и не ознакомили, а теперь его не будут этапировать до 07.02.2012 г., пока не продлят срок содержания под стражей.

Аналогичные претензии высказали подсудимые Н.К. и А.Н., которых привезли 18.06.2012 г. на судебное слушание, которое не состоялось - «сейчас (20.06.2012 г.) их отправляют обратно по жаре, с тем, чтобы в начале июля вновь доставить в суд».

Те же самые заявления и возмущения были высказаны заключенными К.В. и К.А. которых транспортировали из пенитенциарного учреждения расположенного в Кахуле в Комрат для проведения действий по уголовному преследованию, которые до настоящего времени прокурором так и не проведены.

В ряде случаев, лицами, пребывающими в изоляторах временного содержания, при анкетировании были сделаны заявления о несоблюдении режима отбывания наказания, подлежащего применению к ним.

В основном указанные претензии были высказаны применительно к материально-бытовым условиям содержания, и касались таких моментов как достаточность и качество питания, оборудованности камер и др.

К примеру, при опросе, заключенный И.М. (ИВС Комрат) пояснил, что ему как осужденному полагается 3-хразовое питание, а в ИВС Комрата кормят только 2 раза в день и к тому же порции чрезмерно маленькие и для него явно недостаточные.

При этом, по непонятным для него причинам его не отвозят обратно в постоянное место содержания под стражей (Кахул).

3.3.2. Материально-бытовые и санитарно-гигиенические условия

Практически все проверенные помещения в изоляторах временного содержания, за исключением камер отремонтированных в последнее время (были отремонтированы порядка 2% от общего числа камер), имеют отклонения от норм по условиям содержания, которые можно оценить как неприемлемые.

Наиболее критичной ситуация выглядит в ИВС Комратского РКП, в котором, при достаточной интенсивности размещения лиц заключенных под стражу имеются всего 3 помещения (камеры), которые могут быть признанными удовлетворяющими предъявляемым элементарным требованиям содержания в них людей.

Остальные, по-прежнему функционирующие камеры имеют серьёзные изъяны и недостатки, предполагающие вывод о запрете их эксплуатации до приведения в состояние пригодное для размещения граждан.

Одно из помещений, использованных до недавнего времени в качестве места содержания под стражей (камера №8) лишена естественного освещения, поскольку в ней вообще нет окон.

Вентилирование данной камеры как таковое отсутствует.

В ряде камер (№7 и №10) практически постоянно отсутствуют стекла на окнах (разбиты), что приводит к дискомфортному содержанию находящихся в них лиц, особенно в зимний период.

Естественное освещение в данных помещениях также чрезмерно недостаточно, по причине малых размеров окон и наличия на них решеток.

При этом имеющее искусственное электрическое освещение также явно недостаточное, по указанным выше причинам, а также использования электроламп незначительной мощности.

В значительной части камер, имеющиеся проблемы с искусственным освещением дополнительно усугубляются особенностями их размещения (устроены либо в нишах, либо затенены дополнительными щитками).

В камерах, в которых не был проведен ремонт, отсутствуют столы и стулья (скамьи) для приема пищи, а также приспособленные места для хранения самой пищи и продуктов (еда и продукты складываются на пол, либо на спальные места (нары)).

Также повсеместно отсутствуют места для хранения одежды и обуви, что создает помимо дополнительных неудобств угрозу здоровью лиц находящихся в камерах.

Во всех ИВС в камерах нет столов, шкафов, тумбочек для хранения личных вещей.

Также в изоляторах временного содержания отсутствует предусмотренная законодательством специальная комната для хранения постельных принадлежностей и личных вещей, подозреваемых и арестованных, запрещенных к хранению в камерах.

Из перечисленного в правилах внутреннего распорядка оборудования камер ИВС наблюдатели отметили только наличие бачка для питьевой воды и урны для мусора, которые имеются далеко не во всех камерах.

Другого оборудования в камерах не было.

В не отремонтированных камерах, отсутствуют как таковые санузлы (унитазы, умывальники).

Для отправления естественных физиологических нужд используются пластиковые бачки, которые здесь же в камерах размещены и не ограждены от остальной части камер, в которых заключенные живут и питаются.

Указанные бесчеловечные условия являются причинами практически постоянно подаваемых жалоб, проводимых в связи с этим контролей и проверок со стороны самых различных организаций и структур, но ситуация остается из года в год не изменой.

При этом, просьбы заключенных об организации периодического выноса в туалет, расположенного во дворе комиссариата администрацией учреждения выполняются не всегда.

Полы в камерах из-за особенностей поверхности затруднительно подметаются.

При этом, нет средств и предметов для проведения уборки, включая влажной, помещений, даже элементарных (веников в камерах либо нет, либо они непригодны для применения).

В изоляторах временного содержания Комратского и Чадыр-Лунгского РКП, из-за расположения камер в подвальной (цокольной) части зданий наблюдается повышенная влажность.

Вследствие недостаточной естественной вентиляции и ограниченного применения искусственной (принудительной) систем вентиляции (особенности применения принудительной системы вентиляции в ИВС Комрат, отмеченные еще в докладе Amnesty International от 23 октября 2007 г., по-прежнему сохранены, вероятно, в качестве достопримечательности данного учреждения) в камерах имеется сырость, а воздух имеет неприятный специфический запах.

Обогрев помещений ИВС осуществляется централизованно, совмещено с отоплением других помещений комиссариатов.

При мониторинговых исследованиях заключенными не высказывались претензии относительно отопления помещений, в которых они располагаются и его качества, за исключением случая отключения отопления в связи с проведением ремонтных работ во время отопительного сезона (ИВС Вулкэнешть, было отключено отопление во всем

комиссариате) и случаев преждевременного, по мнению арестованных, прекращения отопительного сезона.

Такого рода жалоба поступила 20.03.2012 г. от заключенного К.В., содержащего в ИВС Комрат, и 30.03.2012 г. от арестованного К.В. пребывающего в ИВС Вулкэнешть.

Водообеспечение организовано централизованно во всех без исключения комиссариатах полиции, доступ к питьевой воде имеется повсеместно и нареканий в данном вопросе не имеется.

За весь период наблюдения был зафиксирован единственный случай подачи жалобы связанной с обеспечением питьевой водой (обращение заключенного К.В. об отсутствии воды в кране), который имел объективный характер и мотивированное объяснение (отключена система подачи воды во всем городе (Вулкэнешть)) и был разрешен положительно (заключенным обеспечен подвоз воды необходимой для питья и иных нужд).

Во всех без исключения изоляторах не выполняются требования законодательства об обеспечении заключенных спальными принадлежностями.

Повсеместно наблюдается недостаток матрасов и подушек (в меньшей степени эта проблема характерна для ИВС Вулкэнешть и отчасти для ИВС Чадыр-Лунги) и практически полностью отсутствует постельное белье (наволочки, простыни, пододеяльники).

Заключенные решают указанную проблему исключительно собственными силами (как правило, постельное белье передается им родственниками).

В тех случаях, когда отсутствует возможность получения собственных постельных принадлежностей, что характерно для содержания временно этапированных из пенитенциарных учреждений лиц, возникают конфликтные ситуации, как правило, не имеющие положительного разрешения.

К примеру, заключенный Г.В. (ИВС Чадар-Лунга) пояснил, что администрация ИВС отказала ему в выдаче чистого постельного белья.

На поданную устную просьбу Г.В. о предоставлении чистого постельного белья, он получил ответ, что «другого белья нет и не будет, и пусть он пользуется тем, что имеет».

3.3. Медицинское обслуживание и охрана здоровья

Соблюдение права на охрану здоровья в условиях изолированного содержания под стражей являлась и остается одной из наиболее злободневных проблем, присущей всем без исключения видам пенитенциарных учреждений, включая изоляторы временного содержания АТО Гагаузия.

Несмотря на её официальное признание и проведение некоторых организационных мероприятий в целях улучшения имеющейся ситуации (введение в штат комиссариатов полиции, начиная с 2006 года фельдшеров, обслуживающих ИВС) проблема охраны здоровья заключенных до настоящего времени остается не разрешенной.

Основными претензиями, высказанными в ходе проведения мониторинга применительно к рассматриваемому вопросу, явились некачественное оказание медицинской помощи, её явная недостаточность и несвоевременное предоставление.

Необходимо отметить, что жалобы и нарекания на качество медицинского обслуживания по степени распространенности и удельному весу занимают лидирующее место среди всех видов обращений заключенных (порядка 35%) по вопросам условий содержания под стражей.

В первую очередь граждане, подвергнутые задержанию либо аресту, заявляют о недостаточности, точнее об отсутствии как таковой адекватной медицинской помощи.

К примеру, заключенный К.В. (ИВС Чадыр-Лунга) заявил, что страдает постоянным внутричерепным давлением, вызывает часто скорую помощь в связи с систематическими приступами, но приезжающие врачи абсолютно никакой помощи не оказывают, ссылаясь на отсутствие необходимых медицинских препаратов.

Аналогичное пояснение дал осужденный К.С. (ИВС Чадыр-Лунга), имеющий хроническое желудочное заболевание, который в недавнем прошлом получил пищевое отравление, но вызов фельдшера оказался бесполезным, по той же причине (отсутствие лекарств и медицинских препаратов).

Подобные заявления о не оказании надлежащей медицинской помощи со стороны медицинских работников были также поданы арестованными Г.В. (жалобы на пониженное артериальное давление, головные боли и головокружение. Вся медицинская помощь состоит в выдаче фельдшером 1 таблетки, прием которой ничего не дает), И.К. (постоянные головные боли, фельдшер ничем не помогает, говорит, что у него ничего нет, кроме анальгина и аспирина), К.А. (грудные боли, фельдшер пообещал решить вопрос с флюорографическим исследованием, но затем сказал, что в поликлинике нет пленки) и т.д.

В ряде случаев имеет место несвоевременность в предоставлении более квалифицированной медицинской помощи, нежели осмотр полицейским фельдшером, несмотря на её очевидную необходимость.

Так, 29.05.2012 г. арестованным И.М. была получена бытовая травма, которая вызванным врачом скорой помощи была обработана. При этом, врач порекомендовал незамедлительно обратиться в поликлинику к специализированному врачу (хирургу), в связи с имеющимся подозрением инфекционного нагноения (травмированная рука покраснела и опухла).

На следующий день И.М. было написано на имя комиссара заявление о направлении к хирургу, но лишь 04.06.2012 г., он вновь был осмотрен фельдшером и только по его настоянию заключенный был отвезен в лечебное учреждение, где ему сделали операцию и оказали необходимую квалифицированную помощь.

В другом случае, этому же заключенному, при диагнозе острый фурункулез, фактически было отказано в требуемой медицинской помощи, по причине «отсутствия её применения в условиях ИВС».

Необходимо отметить, что указанные проблемы не являются следствием не оказания как таковой медицинской помощи или необоснованного отказа в её оказании со стороны медицинского персонала.

Данная проблема, с точки зрения происхождения и объяснения, имеет в большей степени организационно-функциональный характер.

Декларируя понимание проблемы охраны здоровья заключенных, компетентные органы, отвечающие за управление в рассматриваемой области отношений, на деле ничего реально не предпринимают, для разрешения данной проблемы как таковой.

Прямым следствием такого бездействия, является неизменность и сохранение ситуации практически в её первоначальном виде, ещё с времен советской власти.

Помещения медицинских кабинетов в изоляторах временного содержания отличаются только одним, своей убогостью.

Как правило, все оборудование это одна кушетка, стол, два стула и старый шкаф.

С бедностью медицинского оснащения может соревноваться, и возможно выиграет только одно – оснащённость медицинскими препаратами и лекарствами.

Запрашиваемых пациентами медикаментов либо нет, либо их явно недостаточно.

Из имеющихся наиболее распространенных лекарственных препаратов как правило используются наиболее дешевые и соответственно наименее эффективные аналоги.

Такие специализированные лекарственные средства, но от этого не менее нужные и употребляемые, как, к примеру, инсулин и тому подобные, отсутствуют.

Часто отсутствуют элементарные обезболивающие средства (парацетамол, анальгин), перевязочные материалы (бинт, лейкопластырь, вата, жгут, иммобилизационные шины), что делает невозможным оказание первой неотложной помощи в случае необходимости.

Оказание сколь-нибудь квалифицированной помощи, к примеру, экстренной стоматологической помощи, в условиях ИВС не практикуется.

Терапевтическое лечение в виде периодических курсов приема лекарств в ИВС никогда не проводилось.

Медицинское обследование проводится только по инициативе заключенных, вследствие чего потенциально возможно нарушение порядка содержания, выражающееся в размещении больных и здоровых заключенных в одном помещении.

К примеру, при проведении анкетирования арестованного Б.А. (ИВС Комрат) было установлено, что данное лицо (содержится вместе с другими заключенными) страдает инфекционным заболеванием – хроническим гепатитом, состоит на

специализированном учете, однако об этом он не заявил ни своему адвокату, предоставленному государством, ни администрации изолятора.

Охрана здоровья заключенных напрямую связана и зависит от условий их содержания.

При этом большинство с ними связанных актуальных проблем не охватываются системой санитарного надзора.

Составной частью системы охраны здоровья являются мероприятия, обеспечивающие его поддержание и укрепление.

При том, что общим требованием законодательства является создание в пенитенциарных учреждениях условий для занятия спортом, указанное правило к изоляторам временного содержания не применимо.

Единственным доступным местом поддержания физической формы и, следовательно, здоровья для заключенных являются прогулочные дворики.

Однако в силу ограниченности территории (практически во всех ИВС площадь прогулочных двориков не превышает 30 кв.м.) и ограниченности времени т.н. «выводки», прогулочные дворы используются только по своему прямому назначению, т.е. для прогулок.

Каким-либо инвентарем, позволяющим выполнять те или физические упражнения, прогулочные дворы не оборудованы.

Нареканий относительно соблюдения права на ежедневные прогулки в ходе мониторинга не поступало.

3.3.3 Стандарты питания и их соблюдение

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными принятые первым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30.08.1955 г. предписывают обязанность администрации мест лишения свободы обеспечивать каждому заключенному пищу, достаточно питательную для поддержания его здоровья и сил, имеющую достаточно хорошее качество, хорошо приготовленную и поданную.

В развитие указанных положений национальное законодательство устанавливает правила и порядок предоставления питания, выступающие составной частью гарантии соблюдения права на жизнь человека.

В тоже время, на практике данное право реализуется в зависимости от степени урегулированности тех или иных отношений, складывающихся в современной пенитенциарной системе.

Так, положения законодательства о количестве и минимальных нормах питания (ст. 228 Исполнительного кодекса и Постановление Правительства РМ № 609 от 29.05.2006 г. «О минимальных нормах ежедневного питания и обеспечения заключенных предметами личной гигиены и моющими средствами»), в силу того, что изоляторы временного содержания МВД, не отнесены к категории пенитенциарных учреждений, не

применимы (по крайней мере, не обязательны) для содержания задержанных лиц, которые также являются заключенными.

Объединяющей для всех обследованных ИВС без исключения является проблема питания, его недостаточность и качество.

Применяемые нормы питания для пенитенциарных учреждений в изоляторах временного содержания не действуют, как с точки зрения соблюдения количества раз приема пищи, так и с позиции установленных норм и калорийности питания.

Как правило, во всех ИВС Гагаузии организовано двухразовое либо одноразовое горячее питание (ИВС Комрат – двухразовое питание, ИВС Чадыр-Лунга, Вулканешты – одноразовое питание), в зависимости от финансовой состоятельности бюджета и своевременности расчетов с поставщиками питания.

Многие заключенные, особенно временно этапированные из пенитенциарных учреждений, где обеспечивается полноценный трехразовый режим питания, проявляют недовольство по поводу недостаточности и скудности питания.

К примеру, лица, содержащиеся в ИВС Комратского РКП достаточно длительный период времени, обратили внимание на ухудшение качества и количества питания в июне-июле 2012 г.

По словам заключенных, «порции маленькие, приготовляемая еда не питательна (чрезмерно водянистая, без «навара»), используемые продукты испорчены либо низкого качества, количества еды явно мало, практически никто не наедается, постоянно чувствуют себя полуголодными». В связи с данными обстоятельствами руководство РКП Комрат инициировало проверку на предмет качества и количества еды для заключенных, с привлечением представителей прокуратуры Комрат и УВД Гагаузии (которые в последствии заявили, что нарекания заключенных необоснованны).

Проблемы обеспечения питанием усугубляются отсутствием устройств и мест для хранения пищи.

Ни в одном из изоляторов не имеется холодильников для хранения продуктов питания. В жаркое время года подобная неэффективная организация питания приводит к быстрой порче пищи, что и без того осложняет положение заключенных.

Так, при проведении опроса 17.07.2012 г. многие заключенные заявили, что уже в течение 2 дней подряд им дают прокисшую еду, которую невозможно употреблять, в связи с чем, были подготовлены и поданы жалобы в Представительство Центра по правам человека Комрат.

В ИВС не учитываются особенности питания верующих и больных людей, не делается различий между питанием взрослых и несовершеннолетних.

Нередки случаи, когда заключенные не получали питания в день прибытия в ИВС, поскольку не были включены в соответствующие списки, а сухой паек им не выдавался.

Всего различного рода претензии относительно обеспечения питанием во время мониторинга поступили более чем от 50 заключенных, что составляет порядка 10 % от числа лиц принявших участие в проводимых мероприятиях.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Анализ фактически сложившейся ситуации в области соблюдения прав и основных свобод лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания АТО Гагаузия и создания адекватных условий отбытия применяемых к ним мер принуждения и пресечения предполагает выдвижение на первый план ряда наиболее острых и требующих комплексного решения проблем, предопределяющих и одновременно олицетворяющих современное состояние соблюдения законодательства, регламентирующего права заключенных.

В первую очередь это проблема надлежащего нормативного регулирования порядка функционирования ИВС и определение их места в системе пенитенциарных учреждений.

При том, что согласно проводимой реформе уголовно-исполнительного законодательства, изоляторам временного содержания нет места в системе пенитенциарных учреждений, на сегодняшний день и в обозримом ближайшем будущем данным учреждениям, обеспечивающим временное лишение свободы пока нет альтернативы и замены.

Исходя из данного прагматического подхода, на наш взгляд, необходимо во-первых, приравнять положение и статус всех лиц содержащихся в ИВС, к положению осужденных лиц, и распространить на них все права и гарантии реализации этих прав, предусмотренные Исполнительным кодексом и другими актами уголовно-исполнительного законодательства, и во-вторых, разработать нормативные правила устанавливающие правовой режим и условия содержания лиц задержанных по подозрению в совершении преступлений, с учетом особенностей их процессуального статуса и кратковременности применяемой к ним меры процессуального принуждения в виде лишения свободы.

Решение данных задач позволит создать необходимую правовую базу для осуществления деятельности указанных учреждений пенитенциарного типа на весь период их дальнейшего существования и одновременно обеспечит создание единообразных и дифференцированных в зависимости от статуса заключенных, стандартов и нормативов содержания под стражей, учитывающих особенности каждой из категорий граждан, временно лишенных свободы.

Не менее важной, а возможно и более значимой задачей, формулирование которой предопределяется итоговым анализом проведенного исследования, является переоценка приоритетов в такой области социального управления как борьба с преступностью.

Необходимо уйти от никому не нужных, и по большому счету давно обесцененных в глазах общественного мнения и граждан показателей, которыми оперируют в настоящее время правоохранительные органы.

На наш взгляд, определяющим и решающим критерием оценки успешности всей правоохранительной системы, независимо от её структуры и состава, видовой

принадлежности или «классовой» подразделенности, является уровень защищенности прав граждан, а также полнота и быстрота восстановления ущемленных и нарушенных преступлениями и правонарушениями прав, свобод и законных интересов людей.

При такой оценке эффективности правозащитительной деятельности государства, когда на первые роли выходят интересы потерпевших от преступлений любых видов, вероятность изменения отношения к самому феномену пыток, т.е. издевательств и насилий одних людей над другими, существенно возрастет и возможно появится надежда если и не полного искоренения этого негативного явления из жизни людей, то хотя бы его существенного снижения и уменьшения масштабов проявления.

В целях устранения причин предопределяющих объективно негативную ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день в области соблюдения прав граждан задержанных либо арестованных по подозрению в совершении преступлений, создания надлежащих условий обеспечивающих нормальную жизнедеятельность, охрану жизни и здоровья лиц, вовлеченных в систему процессуальных ограничений связанных с лишением свободы и как следствие пребыванием под стражей, предлагается разработка и осуществление следующих действий и мероприятий

Организационной направленности

1. Анализ причин существования и использования криминального насилия свидетельствует о том, что в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, пытки и другие виды жестокого обращения в основном, применяются с целью получения признательных показаний.

В связи с этим необходимы изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, устанавливающие дополнительные гарантии предупреждения пыток и жестокого обращения, а также создание таких механизмов, само существование которых и тем более их применение, делало бы крайне не выгодным и малопривлекательным занятием для «увлекающихся» ими представителей правоохранительных органов.

Вполне возможными и оправданными рычагами воздействия на лиц, уличенных в применении пыток в рамках исполнения функций связанных с правоохранительной деятельностью, явились бы, к примеру, такие дополнительные процессуальные и организационные ограничения как запрет применения условного осуждения, невозможность трудоустройства в дальнейшем, в том числе и при погашении судимости, в правоохранительные структуры и т.п.

2. Изменение характера деятельности органов прокуратуры, осуществляющих реализацию государственной политики в области борьбы и предупреждения пыток, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения в отношении лиц находящихся в местах содержания под стражей.

В настоящее время влияние такого рода контрольно-надзорной деятельности на нормализацию рассматриваемых отношений и повышение степени и уровня защищенности прав указанной категории лиц нельзя признать особо удовлетворительной и адекватной имеющимся реалиям.

Правозащитная деятельность прокуратуры не достигает ожидаемого эффекта, а правосстановительная как таковая отсутствует.

Аналогичная картина наблюдается и применительно к функционированию иных государственных органов, мониторирующих систему исполнения наказаний и процессуальных принуждений.

В этой связи необходимо изменение сложившегося подхода, корректировка осуществляемых функций и методов, с тем чтобы адекватно реагировать на нарушения гражданских прав, обеспечивать не только их ликвидацию, но и устранение причин и условий их порождающих, реально воздействовать на противоправные действия ущемляющие интересы и свободы задержанных и арестованных, и гарантировать их реальное восстановление.

3. Ликвидация закрытости, непрозрачности для общественного контроля мест содержания под стражей.

В этих целях, предлагается создать систему независимого инспектирования учреждений пенитенциарного характера, используя как существующую модель контроля со стороны гражданского общества, предлагаемую Законом РМ «О гражданском контроле за соблюдением прав человека в учреждениях, обеспечивающих содержание лиц под стражей», так и иные наработанные практикой формы эффективного и активного наблюдения за деятельностью изоляторов временного содержания, используемые неправительственными организациями.

4. Публикация в средствах массовой информации, а также обнародование иными способами фактов нарушений прав и основных свобод заключенных, случаев привлечения к ответственности должностных лиц правоохранительных органов за пытки и тому подобные преступления.

5. Введение обязательного медицинского осмотра (освидетельствования) для лиц, помещаемых в изоляторы и другие типы пенитенциарных учреждений, что позволит предупредить возможное применение насилия и истязаний в местах принудительного лишения свободы и одновременно повысит уровень сознательности и ответственности сотрудников органов внутренних дел и пенитенциарной системы, осуществляющих контроль за соблюдением гарантий неприкосновенности личности в местах содержания под стражей.

6. Обеспечить каждый ИВС средствами видеонаблюдения в целях предупреждения фактов пыток и жестокого обращения в отношении содержащихся в них лиц, а также безопасности сотрудников.

Придать материалам видеозаписи характер документов отчетности, исключая возможность их самовольного обозрения, изменения, уничтожения.

Установить порядок и сроки хранения данных видеозаписей.

7. Принятие на уровне представительного органа АТО Гагаузия программы действий и мероприятий (с участием заинтересованных правоохранительных органов и

представителей профилирующих общественных объединений) направленных на модернизацию условий содержания лиц, помещаемых в ИВС, улучшение качества реализации предоставляемых им гарантий на достойные человека условия пребывания в местах заключения под стражу, предупреждение пыток и других форм бесчеловечного отношения и нормализации в других формах и видах рассматриваемых отношений.

Правовой направленности

1. Законодательное регламентирование статуса изоляторов временного содержания, действующих при органах полиции, разработка правил, порядка и условий содержания в них лиц, регулирование правового положения задержанных по подозрению в совершении преступлений, с учетом особенностей их процессуального статуса и применяемой к ним меры процессуального принуждения в виде кратковременного лишения свободы.

2. Обеспечение соблюдения права на информирование о формах и видах защиты.

При поступлении лица в ИВС предоставлять в письменном виде информацию о правах задержанных и арестованных, правилах внутреннего распорядка в ИВС, характере действий, представляющих дисциплинарное нарушение, мерах дисциплинарного воздействия, порядке обжалования их применения, процедурах подачи жалоб по всем иным вопросам.

Разместить информационные стенды (плакаты) с информацией о правах и правилах в каждой камере на государственном, гагаузском и русском языках (по возможности и на иных языках).

3. Изучение и обобщение судебной практики по делам о пытках и жестоком обращении.

Инициирование принятия Пленумом Высшей судебной палаты постановления о практике применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства по делам данной категории в целях обеспечения правильного и единообразного применения судебными инстанциями и соответственно органами прокуратуры законодательства устанавливающего уголовную ответственность за преступления указанного вида.

Материально-технической направленности

1. Проведение мероприятий по реконструкции и модернизации в соответствии с установленными минимальными стандартами и нормами, отвечающим условиям приемлемого содержания всех помещений предназначенных, в том числе потенциально, для пребывания граждан под стражей.

2. Обеспечение здоровых и безопасных для пребывания условий содержания связанных с освещением (демонтаж плотных решеток на окнах камер, затрудняющих доступ естественного света, установка форточек с возможностью открытия изнутри камер, установка регулируемого освещения).

3. Утверждение технического регламента для помещений ИВС, пересмотр и обновление приказов МВД по обеспечению режимных требований в ИВС в части:

- обеспечения оснащенности камер ИВС;
- осуществления контроля над территорией прогулочных двориков с помощью системы видеонаблюдения;
- приобретения оборудования для помещений, необходимого для обеспечения минимальных условий комфорта заключенных и соблюдения санитарно-гигиенических нормативов;
- приведение в соответствие с требованиями законодательства оборудования камер окнами (с соблюдением норм освещенности) и туалетами (с обеспечением условий приватности).

4. Оборудование прогулочных дворов укрытиями от дождя и снега, скамейками, спортивным снаряжением.

5. Обеспечить введение трехразового горячего питания, контроль качества приготовления пищи и продуктов используемых для питания осужденных.

Ввести нормы питания для лиц, содержащихся в ИВС, применяемые для заключенных, размещенных в пенитенциарных учреждениях.

Урегулировать порядок обеспечения сухим пайком лиц, поступающих в ИВС в период с 20.00 до 23.00.

6. Изыскать возможности для создания в ИВС следственных комнат, помещений для проведения свиданий, комнат для хранения постельных принадлежностей и личных вещей задержанных.

7. Создать необходимые условия для деятельности медицинских работников (врача, фельдшера) в изоляторах временного содержания.

Обеспечить доступ задержанных к медицинскому обслуживанию без ограничений и в количестве и качестве предоставляемой медицинской помощи.

Изыскать средства для постоянного пополнения соответствующих медицинских препаратов и лекарственных средств.